

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3, 2025. Октябрь

Журнал основан в 2024 г. и издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

Бабаев Кирилл Владимирович, директор ИКСА РАН — председатель

Абдуллаев Шерзод Маджидович, советник ректора Университета мировой экономики и дипломатии (Узбекистан)

Абдырахманов Толобек Абылович, ректор Кыргызского национального университета (Кыргызстан)

Арипов Элдор Тахирович, директор Института стратегических и межрегиональных исследований (Узбекистан)

Блохин Александр Викторович, Чрезвычайный и полномочный посол, советник директора ИКСА РАН (Россия)

Бордачев Тимофей Вячеславович, научный руководитель ЦКЕМИ НИУ ВШЭ (Россия)

Вижай Тхакур Сингх, генеральный директор Индийского совета по международным делам (Индия)

Курмангалиева Жанна Дулатовна, проректор Евразийского национального университета им. Л.С. Гумилева (Казахстан)

Лихачева Анастасия Борисовна, декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Россия)

Лукин Александр Владимирович, научный руководитель ИКСА РАН, руководитель департамента международных отношений НИУ ВШЭ (Россия)

Муканбетов Санжар Турдукожоевич, директор Национального института стратегических исследований (Кыргызстан)

Притчин Станислав Александрович, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Сафранчук Иван Алексеевич, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Стерник Александр Вадимович, директор Третьего департамента стран СНГ МИД РФ

Торкунов Анатолий Васильевич, ректор МГИМО (У) МИД РФ (Россия)

Тукумов Еркин Валитханович, Специальный представитель Президента Республики Казахстан по Афганистану (Казахстан)

Шагеева Рауза Абдрахмановна, вице-президент Экономического общества Республики Татарстан (Россия)

Усмонзода Хайридин Усмон, директор Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан (Таджикистан)

Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета (Китай)

Редакция:

Д.П. Новиков (главный редактор), Л.А. Шашок (зам. главного редактора),
Г.О. Халова (зам. главного редактора), Н.И. Иллерицкий (секретарь редакции),
Е.А. Козлова (помощник главного редактора)

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Телефон: +7 (499) 124-02-17

E-mail: eurasianresearch@iccaras.ru

Сайт журнала: <http://eurasianresearch.ru>

Учредитель и издатель: Институт Китая и современной Азии РАН

Евразийские исследования*Научный журнал***Электронная версия**

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87180 от 22.04.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3380

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-87051 от 19.03.2024

Язык: русский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 3034-3372

DOI: 10.48647/ICCA.2025.10.52.001

Подписано в печать 25.10.2025.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

МНЕНИЕ

<i>Неъматов А., Хамраходжаева Ш.</i> Центральная Азия — образцовая модель преодоления вызовов, с которыми сталкиваются развивающиеся страны без выхода к морю	5
---	---

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Гусева Ю.Н.</i> Оценки эффективности пантюркистской политики Турции в современном российском академическом дискурсе	12
<i>Киселенко М.В.</i> Влияние военно-политических факторов на внешнюю политику Узбекистана: военно-техническое сотрудничество как атрибут суверенитета	24
<i>Полончук Р.А.</i> Подходы китайского руководства к обеспечению безопасности Центральной Азии в условиях развития ШОС	33
<i>Сабанцев А.И., Сенюк Н.Ю.</i> Детерминанты и мотивация китайских ПИИ в странах Центральной Азии в контексте реализации инициативы ЭПШП	44
<i>Шангараев Й.Р., Иллерицкий Н.И.</i> Трансформация роли Казахстана на евразийском рынке газа	64

ОБЗОРЫ МЕРОПРИЯТИЙ И КОНФЕРЕНЦИЙ

<i>Козлова Е. А.</i> Второй экспертный форум «Центральная Азия—Россия: повестка совместного развития»	79
---	----

CONTENTS

OPINION

<i>Nematov A., Khamrakhodjayeva Sh.</i> Central Asia — an Exemplary Model for Overcoming the Challenges Faced by Landlocked Developing Countries	5
--	---

ACADEMIC PAPERS

<i>Guseva Yu.N.</i> Assessing the Effectiveness of Turkey's Pan-Turkic Policy in Contemporary Russian Academic Discourse	12
<i>Kiselenko M.V.</i> The Impact of Military-Political Factors on Uzbekistan's Foreign Policy: Military-Technical Cooperation as an Attribute of Sovereignty	24
<i>Polonchuk R.A.</i> Approaches of the Chinese Leadership to Ensuring Security in Central Asia in the Context of the Development of the SCO	33
<i>Sabantsev A.I., Seniuk N.Yu.</i> Determinants and Motivation of Chinese FDI in Central Asian Countries in the Context of the Belt and Road Initiative Implementation	44
<i>Shangaraev J.R., Illeritsky N.I.</i> , Transformation of Kazakhstan's Role in the Eurasian Gas Market	64

REVIEWS OF EVENTS

<i>Kozlova E. A.</i> Second Expert Forum “Central Asia—Russia: Agenda for Joint Development”	79
--	----

А. Негматов, Ш. Хамраходжаева

Центральная Азия — образцовая модель преодоления вызовов, с которыми сталкиваются развивающиеся страны без выхода к морю

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития стран, не имеющих выхода к морю, в контексте формирования устойчивой региональной интеграции и укрепления транспортно-логистических связей. Особое внимание уделяется государствам Центральной Азии, которые сталкиваются с типичными вызовами «сухопутной изоляции», но при этом демонстрируют успехи в их преодолении. На примере Третьей Международной конференции ООН по развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, анализируются ключевые направления международного сотрудничества, заложенные в Авазской программе действий до 2034 г. Отмечается активная роль Центральной Азии, в частности Узбекистана, в продвижении инициатив по углублению экономической, транспортной, энергетической и гуманитарной интеграции. Делается вывод, что регион становится модельной площадкой для практической реализации принципов устойчивого развития, способной служить примером для других стран, не имеющих выхода к морю.

Ключевые слова: Центральная Азия, страны без выхода к морю, региональная интеграция, устойчивое развитие.

Авторы: Негматов Акрамжон, первый заместитель директора Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан.

Хамраходжаева Шахло, ведущий научный сотрудник Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан.

Akramjon Nematov, Shakhlo Khamrakhodjayeva

Central Asia — an Exemplary Model for Overcoming the Challenges Faced by Landlocked Developing Countries

Abstract. This article examines the challenges and development prospects of landlocked countries in the context of fostering sustainable regional integration and strengthening transport and logistics links. Particular attention is paid to the Central Asian sta-

tes, which face the typical challenges of “land isolation” but have demonstrated success in overcoming them. Using the Third UN International Conference on Landlocked Developing Countries as an example, the article analyzes key areas of international cooperation outlined in the Avaza Framework for Action to 2034. The article notes the active role of Central Asia, particularly Uzbekistan, in promoting initiatives to deepen economic, transport, energy, and humanitarian integration. It concludes that the region is becoming a model platform for the practical implementation of sustainable development principles, potentially serving as an example for other landlocked countries.

Keywords: Central Asia, landlocked countries, regional integration, sustainable development.

Authors: Akramjon Nematov, First Deputy Director of the Institute for Strategic and Interregional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan.

Shakhlo Khamrakhodjayeva, Leading Researcher at the Institute for Strategic and Interregional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan.

Развитие трансграничной инфраструктуры, транзитных коридоров и логистических связей представляет собой одно из важнейших условий устойчивого развития государств. Особенно остро эта задача стоит перед развивающимися странами, не имеющими выхода к морю. Главной проблемой при этом является не столько само отсутствие выхода к морю, сколько связанный с этим комплекс внешних и внутренних барьеров, затрудняющих полноценную интеграцию в международные торгово-экономические процессы.

Как следствие, страны без выхода к морю традиционно отстают от прибрежных по большинству ключевых показателей. Основным структурным последствием географической изоляции является транспортная замкнутость, которая делает данные страны критически зависимыми от коммуникационной инфраструктуры и политико-экономической стабильности соседних государств.

При этом транзитные государства во многих случаях сами являются развивающимися — с ограниченными ресурсами, нестабильной внутренней ситуацией и изношенной логистической системой. Это приводит к высоким транспортным и логистическим расходам. Торговые издержки у стран без выхода к морю на 30 % выше, чем у прибрежных, а в Центральной Азии доля транспортных расходов может достигать 50 % от стоимости товара, что в пять раз выше среднемирового уровня.

Высокая стоимость логистики ведет к снижению конкурентоспособности и экспортного потенциала, делая продукцию стран, не имеющих выхода к морю, малопривлекательной на глобальном рынке. Одновременно с этим логистические ограничения приводят к затягиванию сроков доставки, снижая надежность торговых цепочек. В странах без выхода к морю поставки продукции занимают до 35—45 дней, в то время как в прибрежных странах аналогичные грузы прибывают за 15—20 дней.

Ограниченность внешнеэкономических потоков ведет к дефициту валютных поступлений и сдерживает приток инвестиций, лишая страны возможностей для индустриализации и создания производств с высокой добавленной стоимостью.

Объем прямых иностранных инвестиций в странах без выхода к морю не превышает 3 % от общего потока в развивающихся экономиках. Кроме того, почти треть данных государств находится на грани или уже в состоянии долгового кризиса.

В условиях отсутствия развитой промышленной базы и ограниченного импорта закрепляется технологическая отсталость и формируется экономическая структура, основанная на сырьевой и аграрной специализации. Более 80 % экспорта составляют сырьевые товары и природные ресурсы. Аграрный сектор в этих странах обеспечивает до 17 % ВВП и более половины занятости населения, что делает экономики крайне чувствительными к колебаниям мировых цен на сырье.

Ситуацию дополнительно осложняют климатические и экологические вызовы, к которым страны без выхода к морю особенно уязвимы. Частые засухи, наводнения, опустынивание и таяние ледников ставят под угрозу сельское хозяйство, которое играет ключевую роль в экономике этих стран.

Помимо этого, сельскохозяйственный сектор страдает от низкой производительности, слабой инфраструктуры, нехватки технологий и доступа к финансированию. Любые сбои в аграрном производстве моментально отражаются на продовольственной безопасности и доходах населения.

Совокупность этих факторов приводит к тому, что формируется замкнутая модель геоэкономической уязвимости. Страны, не имеющие выхода к морю, демонстрируют среднегодовой рост ВВП около 2—3 %, тогда как аналогичные показатели прибрежных развивающихся стран растут в среднем на 4—5 %.

Совокупный ВВП на душу населения в этих странах в среднем на 40—60 % ниже, чем в прибрежных государствах с сопоставимым уровнем дохода. При этом их доля в мировой торговле не превышает 1 %, несмотря на то, что они составляют 15 % всех развивающихся государств.

В таких условиях становится естественным стремление этой категории стран искать комплексные и консолидированные подходы к решению проблем. Опыт мировой практики показывает, что наибольшие шансы на успех имеют страны, сумевшие объединить усилия на региональном уровне, синхронизировать транспортно-логистические проекты и выработать единые подходы к развитию торговли и энергетики.

Особое значение в текущих условиях приобретает Третья Международная конференция ООН по развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, которая прошла 5—8 августа 2025 г. в туристической зоне Аваза, Туркменистан. Ее актуальность определяется не только самой спецификой проблем таких стран, но и периодом международной турбулентности, в котором она состоялась.

Нынешняя ситуация в мире характеризуется ростом геополитической напряженности и фрагментацией мировой экономики, сопровождающейся региональными конфликтами и соперничеством крупных держав за контроль над транспортными и энергетическими маршрутами. Нарушаются глобальные логистические цепочки, включая морские маршруты, что дополнительно усиливает издержки и уязвимость замкнутых экономик стран, лишенных выхода к морю.

Все это усугубляется ослаблением эффективности международных институтов, ранее выступавших ключевыми площадками координации усилий по устойчивому развитию. Как следствие, сокращаются объемы международной помощи и прямых инвестиций, что особенно болезненно отражается на странах, зависящих от внешних источников финансирования.

На этом фоне конференция в Авазе становится востребованной площадкой для мобилизации и консолидации международных ресурсов, способной не только привлечь внимание мирового сообщества к проблемам замкнутых на суше государств, но и предложить практические механизмы их решения.

То, что Третья международная конференция ООН по проблемам развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, прошла именно в Центральной Азии, имеет символическое значение и в то же время отражает готовность региона консолидировать международные усилия в преодолении вызовов современности.

Регион является своего рода уникальным в мировой географии, так как все пять его государств лишены прямого доступа к морю и остро ощущают весь комплекс проблем, с которыми могут сталкиваться подобные страны. Однако именно здесь на протяжении более двух десятилетий формируются ключевые международные инициативы, направленные на институционализацию сотрудничества и выработку долгосрочных решений.

Знаковым этапом, заложившим основу системной работы в этом направлении, стало проведение по инициативе Казахстана в 2003 г. в Алматы первой Международной конференции по развивающимся странам, не имеющим выхода к морю. По итогам конференции была принята Алматинская программа действий на 2004—2014 гг., направленная на снижение транспортных издержек, упрощение пограничных процедур и формирование первых элементов интегрированной логистики.

Продолжением этого процесса стала вторая конференция, прошедшая в Австрии в 2014 г. Основным итогом мероприятия стала Венская программа действий до 2024 г., сосредоточившая усилия международного сообщества на более глубокой структурной трансформации экономик стран, не имеющих выхода к морю.

Ключевым стратегическим документом прошедшего мероприятия является Авазская программа действий до 2034 г., которая продолжает и расширяет положения предыдущих программ. Она, в свою очередь, призвана не только систематизировать накопленный опыт, но и вывести кооперацию на качественно новый уровень.

Центральная Азия сегодня представляет собой яркий пример успешной региональной кооперации, который может служить моделью для других регионов с развивающимися национальными экономиками.

В последние годы регион демонстрирует существенные достижения в области интеграции, что подтверждается целым рядом инициатив и совместных проектов. Здесь поступательно формируется единое транспортно-логистическое пространство, увеличивается внутрирегиональная торговля. Устранены транспортные и торговые барьеры, открыты новые, современные таможенные посты, создаются зоны приграничной торговли и экономического развития.

Благодаря устойчивому росту в 6,2 % за последние десять лет, значительно превышающему среднемировой показатель в 2,6 %, экономика региона продолжает развиваться с оптимистичными прогнозами. Ожидается, что в период до 2028 г. мировая экономика будет расти в среднем на 3,1 %, развивающиеся страны покажут рост на уровне 4 %, в то время как Центральная Азия сохранит темпы роста около 6 %. Одним из факторов является то, что за последние годы объемы внутрирегиональной торговли выросли в 4,5 раза, объем ВВП в 1,6 раза, взаимные инвестиции удвоились, а число совместных предприятий увеличилось в пять раз.

Повышается вовлеченность стран региона в процессы создания транспортных коридоров, соединяющих Центральную и Южную Азию, а также обеспечивающих диверсификацию сообщений на маршрутах по линиям «Восток—Запад» и «Север—Юг».

В этом году было запущено совместное строительство железной дороги «Китай—Кыргызстан—Узбекистан», которая является важным элементом трансконтинентальной транзитной коммуникации. Значительно увеличился грузопоток по маршруту «Узбекистан—Туркменистан—Иран—Турция», ведется активное сотрудничество по развитию Транскаспийского коридора.

В то же время Консультативная встреча глав государств Центральной Азии, состоявшаяся в Казахстане в 2024 г., наглядно продемонстрировала стремление стран региона к углублению долгосрочного и всестороннего сотрудничества. Примечательно, что в ходе встречи впервые была принята Концепция развития региональной кооперации «Центральная Азия — 2040», ставшая значительным шагом в выстраивании архитектуры долгосрочного межгосударственного сотрудничества в регионе.

Более того, для практической реализации совместных инициатив, определения приоритетных направлений совместной работы и улучшения взаимодействия лидерами стран Центральной Азии была утверждена Дорожная карта по развитию регионального сотрудничества на 2025—2027 гг.

С целью укрепления экономического сотрудничества и обеспечения устойчивого роста в регионе не менее значимым является принятие Плана действий по развитию промышленной кооперации на 2025—2027 гг. Создание в его рамках единой электронной базы товаропроизводителей позволит упростить взаимодействие между хозяйствующими субъектами стран региона.

Заслуживают внимания усилия стран Центральной Азии, направленные на улучшение инфраструктуры для более быстрой и устойчивой транспортировки грузов как внутри региона, так и за его пределами. В этой связи необходимо отметить подписание Меморандума о взаимопонимании по развитию транспортно-логистических центров.

Кроме того, страны Центральной Азии намерены углубить сотрудничество в сфере гидроэнергетики, возобновляемых источников энергии (ВИЭ), включая солнечную и ветровую энергетику, а также развивать проекты в области атомной энергетики и зеленых технологий.

Таким образом, регион становится пространством, где локальные решения получают глобальное звучание, превращаясь не только в площадку для обсужде-

ния проблем стран, не имеющих выхода к морю, но и в «лабораторию их практического решения». Проведение конференции ООН в Туркменистане символизирует признание этого вклада.

Узбекистан также играет ключевую роль в решении проблем, которые определены в Программах действий стран без доступа к морю, став одним из ведущих драйверов процессов регионализации в Центральной Азии.

В рамках своего председательства в Консультативных встречах глав государств Центральной Азии в 2025 г. Ташкент намерен наполнить практическим содержанием региональную повестку. Особенно важно отметить, что ряд выдвинутых Узбекистаном стратегических инициатив в значительной степени совпадает с основными направлениями Авазской программы действий.

Одним из значимых шагов для более глубокой интеграции и укрепления взаимных отношений между государствами региона станет подписание Соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в Центральной Азии. В этом контексте принятие Концепции обеспечения региональной безопасности и стабильности создаст безопасную и устойчивую среду, позволяя эффективно противодействовать вызовам и угрозам, которые стоят перед странами.

Кроме того, значительное внимание уделяется экономической интеграции. Узбекистан продвигает создание Единого регионального рынка, что позволит упростить торговые процессы. Важным инструментом для этого станет запуск Экономического совета Центральной Азии на уровне заместителей премьер-министров, который обеспечит возможность для более оперативного решения ключевых экономических вопросов региона.

В рамках данных инициатив Узбекистан выступает за учреждение Центральноазиатского инвестиционного совета в качестве важного механизма для привлечения инвестиций в регион. Параллельно с этим создание Банка инновационного развития, а также проведение регулярных инвестиционных форумов откроют новые перспективы для внедрения современных технологий и ускоренного развития экономик стран региона.

Не менее значимыми являются вопросы экологической и продовольственной безопасности. Разработка Региональной стратегии рационального использования водных ресурсов трансграничных рек и Региональной стратегии продовольственной безопасности призваны стать эффективными инструментами для преодоления возможных природных и климатических вызовов.

Значительное место в повестке занимает создание единого образовательного пространства, рынка труда, а также свободного перемещения услуг. Важным шагом в данном направлении станет разработка центральноазиатской программы академических обменов, а также Соглашения о взаимном признании дипломов ведущих вузов стран региона. Вместе с тем взаимное признание национальных ID-карт и разработка массовых туристических продуктов по принципу «Один тур — весь регион» позволит сделать Центральную Азию более доступной для путешественников и стимулировать развитие туризма.

Необходимо отметить, что Узбекистан активен не только на региональном уровне, но также старается внести свой вклад в глобальную повестку устойчивого развития. Свидетельством этому служит форум, состоявшийся 5—6 сентября

2024 г. в Ташкенте. Мероприятие было посвящено вопросам продовольственной безопасности и устойчивого развития для стран, не имеющих выхода к морю. Важным итогом форума стало подписание ряда соглашений, в том числе Декларации ФАО и правительства Узбекистана по реформированию агропромышленной системы для стран без выхода к морю.

Таким образом, комплексные и последовательные усилия Узбекистана содействуют активному участию страны в формировании позитивной и конструктивной повестки развития для всей Центральной Азии. Благодаря инициативам, направленным на укрепление сотрудничества, Ташкент выступает катализатором интеграционных процессов, способствующих повышению безопасности, стабильности и устойчивого роста в Центральной Азии.

Успехи региона в поиске и реализации согласованных решений, а также в коллективных действиях на международной арене, выдвигают Центральную Азию на передовую эффективной региональной интеграции. Этот опыт может служить моделью для других стран без выхода к морю, демонстрируя, что даже в условиях географической замкнутости возможно выстраивание устойчивого экономического и политического будущего.

Аваская конференция ООН по развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, предстает как стратегически важное событие, которое, без преувеличения, может закрепить за Центральной Азией статус модели устойчивого развития для стран без выхода к морю. Мероприятие стало не только катализатором для преодоления тех вызовов, с которыми сталкиваются эти страны, но и придало новый импульс процессам регионализации в Центральной Азии, ускоряя ее переход к более устойчивому и взаимосвязанному будущему.

Поступила в редакцию: 16.08.2025

Принята к публикации: 02.09.2025

Received: 16 August 2025

Accepted: 02 September 2025

Ю.Н. Гусева

Оценки эффективности пантюркистской политики Турции в современном российском академическом дискурсе

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи — историографические оценки в российском академическом дискурсе, отражающие оценки эффективности пантюркистских усилий Турции с учетом внешне- и внутриполитических интересов Российской Федерации. Для этого изучается пул публикаций, которые, во-первых, оценивают пантюркистские усилия Турции в отношении стран Центральной Азии, во-вторых, анализируется эффективность воздействия идей политического тюркизма на современную российскую внутреннюю политику. В результате делается вывод о неоднородной картине российской академической экспертизы, которая содержит различные полюса оценок: от усиливающегося влияния с перспективой потери суверенитета и национал-сепаратизма до объективно низкой эффективности пантюркистских усилий. Утверждается, что особое значение для оценки реальной перспективы реформирования массовых представлений в протурецком ключе и выявления предрасположенности к восприятию пантюркистских нарративов у национально-религиозных региональных элит имеет систематический социологический мониторинг и мониторинг медиа в субъектах Российской Федерации с преобладающим тюркоязычным населением.

Ключевые слова: пантюркизм, внешняя политика Турции, российская историография.

Автор: Гусева Юлия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Московский городской педагогический университет. ORCID: 0000-0002-5731-7274. E-mail: j.guseva@mail.ru

Yulia N. Guseva

Assessing the Effectiveness of Turkey's Pan-Turkic Policy in Contemporary Russian Academic Discourse

Abstract. This article focuses on historiographic assessments in Russian academic discourse that reflect assessments of the effectiveness of Turkey's pan-Turkic efforts, taking into account the foreign and domestic political interests of the Russian Federati-

on. To this end, a pool of publications is examined that, firstly, assess Turkey's pan-Turkic efforts in Central Asian countries and, secondly, analyze the impact of political Turkism on contemporary Russian domestic policy. The conclusion is drawn about the heterogeneity of Russian academic expertise, which ranges from increasing influence with the prospect of loss of sovereignty and national separatism to the objectively low effectiveness of pan-Turkic efforts. It is argued that systematic sociological and media monitoring in regions of the Russian Federation with a predominantly Turkic-speaking population is particularly important for assessing the real prospects for reformatting mass perceptions in a pro-Turkish direction and identifying the predisposition of national-religious regional elites to embrace pan-Turkist narratives.

Keywords: Pan-Turkism, Turkish foreign policy, Russian historiography.

Author: Guseva, Yulia N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University. ORCID: 0000-0002-5731-7274. E-mail: j.guseva@mail.ru

Последнее десятилетие отмечено неуклонным ростом внимания отечественных исследователей к турецкой внешней политике и ее тюркской составляющей. На российской платформе научных работ E-library по запросу «тюркизм» за 2000—2024 гг. выдается 458 публикаций, 399 работ содержат ключевое слово «пантюркизм».

Для понимания механизмов формирования общественно-политических представлений об этом явлении, оценке уровня рисков и угроз, связанных с тюркизмом/пантюркизмом, для Российской Федерации, а также рефлексии слабых и сильных сторон российской экспертизы о пантюркистских устремлениях Турецкой Республики, возникает необходимость в понимании того, в каких направлениях движется российская научная мысль, каковы перспективы дальнейших исследований в этой области.

Цель статьи — анализ эффективности пантюркистских усилий Турции с точки зрения внешне- и внутривнутриполитических интересов России в современном русскоязычном научном дискурсе. Для этого мы обратимся к публикациям, которые, во-первых, оценивают подобные усилия Турции в отношении стран Центральной Азии, во-вторых, анализируют их реальное и мнимое влияние на российскую внутреннюю политику.

Наше исходное предположение состоит в том, что на сегодняшний день сложилась неоднородная картина российской академической экспертизы. Она находится в развилке радикально расходящихся оценок: от усиливающегося влияния с перспективой потери странами Центральной Азии суверенитета и национал-сепаратизма тюркоязычных регионов России до объективно низкой эффективности турецкой пантюркистской политики.

Обозначим важные терминологические нюансы. В современном турецком академическом и политическом дискурсе преобладает тенденция замены термина «пантюркизм» (тур. *Türkçülük*, «тюркчюлюк») на «тюркизм/туркизм» (тур. *Türklük*, «тюрклюк»). Турецкие социальные сети и электронные издания, пропагандирующие идею тюркского единства, часто заменяют термин «пантюркизм» (*Türkçülük*, *Turkyuluk*) дефиницией «тюркизм» (*Türklük*, *Turkluk*), которая не

имеет однозначного толкования [Иванова, 2012]. Актуальная политическая, культурная позиция Турции по отношению к тюркским сообществам за ее пределами выражается с помощью таких терминов, как «тюркский мир» (Türk Dünyası), «тюркское единство» (Türk Birliği) и «тюркская мягкая сила» (Türk Yumuşak Gücü).

Причины этой подмены понятий очевидны. Коннотации пантюркизма исторически связаны с радикальными турецкими проектами начала XX века и ультранационалистическими движениями. Стремящаяся позиционировать себя как ядро «умеренного» тюркского пространства Турция избегает открытой пантюркистской риторики, осознавая, что это может вызвать опасения в России, КНР и республиках Центральной Азии.

Российская историография, в отличие от западной (она практически исключила категорию «пантюркизм» из обращения), пользуется обеими категориями «тюркизм» и «пантюркизм». Последний термин особенно характерен для работ, которые руководствуются аналитической оптикой секьюритизации, то есть представления о предмете через аналитическую оптику проблем безопасности.

Несмотря на многообразие категорий, которыми характеризуется современный этап турецкой внешней политики (неопантюркизм, коллективный тюркизм и пр.), изученные нами работы в целом сходятся в определении «тюркизма/пантюркизма». В большинстве случаев его трактуют как современную версию исторически сложившейся в конце XIX — начале XX веков в Османской империи идеологической доктрины, нацеленной на сплочение тюркских народов в едином политико-культурном пространстве под началом Турции, развитие у них наднационального чувства принадлежности и готовность к защите общих интересов на международной арене.

Анализ эффективности пантюркистских усилий Турции с точки зрения внешнеполитических интересов России

Доминирующим фреймом большинства политологических публикаций является идея о том, что с приходом к власти Р.Т. Эрдогана страна взяла курс на постепенное возвращение Турции в мировую политику, а лейтмотив пантюркизма, сопряженного с неоосманизмом¹, постепенно стал локомотивом внешнеполитического движения этой страны.

В аналитической оптике многих работ пантюркизм трактуется как политический проект, направленный исключительно на подчинение тюркских народов и «вытеснение нетюркских государств (прежде всего, России) из пространства, населенного тюркскими народами», с негативными последствиями для всех акторов, кроме самой Турции [Аватков, 2021; Аватков, Гузаеров, 2024; Бурашникова, 2013; Евстратов, 2024; Минасян, 2025; Надеин-Раевский, 2024].

¹ Под «неоосманизмом» (Yeni Osmanlıcılık) понимают турецкую политическую идеологию, содержанием которой является наращивание политического влияния Турции в странах, ранее входивших в состав Османской империи. Турецкая Республика считает себя ее преемником.

«Турции тюркские государства нужны не как равноправные союзники и партнеры, а как источник ресурсов для создания Великой Турции — новой Османской империи на основе пантюркистского и неоосманского проектов. Тюркские государства в итоге превратятся даже не в младших партнеров, а в вассалов этой «империи», потеряв не только государственный суверенитет, но и во многом — национальную идентичность», — продолжает секьюритизированную логику подобных рассуждений А. Черников [Черников, 2024, с. 69].

Излишне говорить, что пантюркизм как идеология и политическая практика предстает в подобных работах как воплощенное зло, представляющее угрозу национальной безопасности России, Китая, Ирана и прочих нетюркских стран Евразии [Милюкова, Ковалева, Валюлина, 2021, с. 35].

Однако имеется пул исследований, авторы которых настаивают на более умеренных оценках. Они основываются на узкопредметном анализе эффективности усилий Турции в направлении тюркской интеграции, на рассмотрении положения дел в конкретных странах Центральной Азии. Среди основных оппонентов панических сентенций отметим М. Шумилова, который подвергает критическому разбору ряд некоторых положений В. Аваткова и его соавторов [Шумилов, 2022а, с. 49]. Шумилов предлагает квалифицировать текущие процессы на пространстве Евразии, как «коллективный пантюркизм», подразумевая, что в настоящее время пантюркизм перестал выступать инструментом турецкой экспансии, а превратился в форму выражения общей заинтересованности и солидарных устремлений своих участников. И с этими общими устремлениями России, Китая и другим внерегиональным акторам в дальнейшем придется считаться [Там же, с. 48—49].

Авторы также отмечают важную роль Турции на этапе суверенизации стран Центрально-Азиатского региона после распада СССР, однако затем, прежде всего, по причине нехватки ресурсов, турецкое влияние в странах Центральной Азии постепенно снижается. Кроме того, в регионе появились новые игроки — транснациональные банки, сырьевые, транспортные, промышленные корпорации, представляющие интересы России, стран Запада и КНР.

Участники международного авторского коллектива Али Эмре Суджу, Косимшо Искандаров, Рустам Махмудов и Даниил Чернов достаточно скромно оценили военные и политические итоги многолетних усилий Турецкой Республики в этом регионе. По их мнению, из-за нехватки материальных ресурсов баланс сил в странах Центральной Азии складывается далеко не в пользу Турции: она сильно уступает влиянию России и КНР [Sucu, Iskandarov, Mahmudov, Chernov, 2021]. Чжан Юйянь, проанализировавший механизмы сотрудничества между тюркоязычными странами с 1991 г., делает однозначный вывод: национальные интересы, а не пантюркизм, играют ключевую роль в формировании нынешнего и будущего сотрудничества между ними [Юйянь, 2024].

Панически-угрожающих и алармистских настроений лишены и исследования, изучающие вопросы формирования тюркской идентичности и исторической памяти в странах Центральной Азии. При этом, конечно, нельзя не согласиться с тем, что современная турецкая политика памяти и историческая политика направлена на решение целого ряда задач, связанных с «подсвечиванием»

видимости тюрков в мировой истории, значительности их пространственно-территориального распространения, и, наконец, с утверждением «прогрессивного влияния тюркских групп на нетюркские» [Кирчанов, 2019, с. 71].

Вместе с тем А. Романова и Д. Черничкин в рамках социологического исследования, направленного на определения влияния пантюркистских настроений на национальную идентичность в Казахстане и Туркменистане, делают однозначный вывод: «пантюркистские идеи и турецкие культурные паттерны, хотя и присутствуют в информационной повестке анализируемых стран, но не являются ее трендом» [Романова, Черничкин, 2024, с. 181]. «На данный момент «турецкий гамбит» с использованием инструментов «мягкой силы» пока не достиг запланированной цели — формирования ярко выраженных элементов тюркской идентичности в национальных идентичностях двух стран Каспийского региона, а приоритетность таких двусторонних отношений подвергается сомнению с обеих сторон на уровне рядового населения», — указывают исследователи [Там же, с. 203—204].

Сходный анти-алармистский подход характеризует работы, связанные с анализом информационного пространства. В них авторы ставят вопрос о практической результативности и фактическом, а не желаемом, эффекте «заражения пантюркистской пропагандой» СМИ и соцсетей. Однако сразу стоит отметить критический дефицит такого рода исследований.

Анализ последствий практической реализации пантюркистских идей в онлайн-среде постсоветского пространства предпринимает В. Иванова и С. Васильева [Иванова, 2012; Васильева, 2019]. Если первый автор рассматривает отдельные образы, жесты, изображения, которые используются в интернете сторонниками политического тюркизма, то второй предлагает алгоритм выявления и комплексного анализа маркеров, которые должны обращать на себя внимание в контексте поиска экстремистской составляющей. Каковы, по мнению С. Васильевой, эти маркеры? Это — термин «тюркизм» и его производные, способные выполнять функцию сокрытия пантюркистских взглядов за тюркистской риторикой; упоминание акторов пантюркистского движения («Серые волки» и их символика, «Партия националистического движения» и пр.) и идеологов (Нихаль Атсыз, Зия Гёкальп, Юсуф Акчура, Альпарслан Тюркеш). Особняком «стоит фигура татарского просветителя Исмаила Гаспринского, который являлся сторонником именно тюркистского (т. е. культурологического) вектора интеграции тюркских народов» [Васильева, 2019, с. 43]. При этом Васильева настаивает на необходимости воздержаться от огульного причисления к экстремистским любых текстов, содержащих эти маркеры, призывает к максимально взвешенной и комплексной оценке идей, символов и контекста любого публичного высказывания.

И. Аминов в 2020 г. презентовал результаты проведенного комплексного анализа сетевых сообществ радикального пантюркизма в социальной сети Facebook (принадлежит компании Meta, признана экстремистской и запрещена на территории РФ) [Аминов, 2020]. Ученый делает следующий вывод: «Общая тенденция трансформации дискурса радикального пантюркизма направлена на формирование образа врага из Российской Федерации и КНР. Создается впечат-

ление, что цель радикальных пантюркистов — разрушение сложившихся исторических, культурных, социальных связей между Россией и Центральной Азией, регионами России, населенными этносами тюркского происхождения, и Российской Федерацией» [Там же, с. 34]. Однако из этого, по его мнению, не следует делать далеко идущих выводов: Аминов обращает внимание, что «Выявленные негативные явления не оказывают существенного воздействия на общественное мнение регионов России и Центральной Азии» [Там же, с. 37]. При этом подчеркивается особая важность мониторинга социальных сетей на предмет радикальной пропаганды.

К похожим выводам пришла и группа ученых Алтайского государственного университета, которые публикуют результаты репрезентации пантюркизма в российских официальных интернет-изданиях. Ими отмечены два встречных тренда бытования идей пантюркизма в онлайн-среде: его маргинализация и, одновременно, актуализация, что вызвано, прежде всего, сложностями социально-политической ситуации [Милюкова, Ковалева, Валюлина, 2021]. Интересен вывод, что наиболее активно повестку дня по теме пантюркизма формируют российские прогосударственные и проармянские СМИ разной политической направленности, задающие границы российского публичного общественно-политического дискурса. Это во многом объясняет сложившийся устойчивый негативный имидж в контексте тюркизма у Турции, Сирии, Азербайджана. В позитивном ключе в российских медиа чаще всего упоминаются Россия, США, Китай, Казахстан, Кыргызстан.

Оценки влияния пантюркистской политики Турции на современную российскую внутреннюю политику

При ответе на вопрос о потенциальных и фактических последствиях турецких усилий, направленных на тюркские народы в составе России, доминирующим также является дискурс секьюритизации. Подавляющее большинство работ направлено на оценку вызовов и угроз, создаваемых пантюркизмом для внутриполитических интересов России в XXI веке. Типичным является политологический анализ инструментов турецкого влияния по разным направлениям — в культуре, образовании, русскоязычном интернет-пространстве и пр. и в целом на обстановку в мусульманских районах России [Аватков, Бадранов, 2013; Карякин, 2020].

Наиболее радикальные оценки воздействия турецкой политики на российские тюркоязычные сообщества сводятся к утверждениям, что основная цель турецких усилий — поощрение тюркского национал-сепаратизма и ослабление России [Сваранц, 2010]. Авторы часто обращают внимание на появление лозунгов и активизма весьма противоречивого характера, которые могут вызвать обеспокоенность России по поводу их интересов и безопасности [Надеин-Раевский, 2017]. К примеру, А. Старостин, исследуя «региональные версии пантюркизма» на примере запрещенного в РФ движения «Ак Дян», отмечает связь между этой

организацией и пантюркистской идеологией, выделяет ее региональные различия [Старостин, 2024].

Как и в случае оценки внешнеполитического трека, картина перестает быть сугубо черно-белой при рассмотрении вопроса на микроуровне — при оценке популярности пантюркистских настроений в отдельных регионах Российской Федерации.

Обстоятельные исследования 2022—2023 гг. авторов из Башкортостана убедительно показывают низкую степень влияния пантюркизма на местные сообщества. А. Бердин и Ю. Юсупов утверждают, что предполагаемая привлекательность пантюркизма нередко вводит в заблуждение наблюдателей: его реальные проявления в башкирских националистических организациях часто носят поверхностный и подражательный характер, ограничиваются символическим уровнем. Влияние пантюркизма никак не способствует значимым социально-политическим изменениям или высокой степени вовлеченности общин [Бердин, Юсупов, 2022].

Одновременно «местные кадровые и идейные иерархии (преимущественно из представителей постсоветских гуманитарных элит) обладают собственной политической историей и субкультурой, весьма далекой от турецких образцов, и собственной развитой национальной мифологией», а большинство националистических проявлений, в том числе деструктивного плана, в Республике «имеют местную природу» [Бердин, Юсупов, 2023]. «Внешнее влияние служит чаще имитационным оформлением либо прикрытием (зачастую ложным), либо катализатором объективно существующего местного конфликта интересов». Авторы призывают при анализе ситуации избегать «распространенного в публицистике алармизма, когда в любом проявлении ищут заговор пантюркизма, приобретающего уже мифологические черты» [Там же].

С этой точки зрения интересны исследования В. Цибенко, направленные на изучение башкиро-турецких контактов, турецкого религиозного влияния на развитие ислама на башкирской земле на рубеже XX—XXI веков [Цибенко, 2019]. К примеру, автор фиксирует, что Турция усиливает позиции в религиозном пространстве региона, замещая альтернативными неформальными структурами существующие в Башкирии муфтияты. «При этом актуализация проблемных исторических сюжетов башкир и усиление башкирского этнонационализма входят в интересы турецких джамаатов, переориентирующих башкирских мусульман на турецкий ислам и Турцию как центр тюркского и исламского мира» [Там же]. З. Хабибуллина и А. Тузбеков расставляют акценты по-иному: башкирские ученые фиксируют турецкое влияние по линии суфийских тарикатов в процессе офлайн и онлайн-взаимодействия, однако это не ведет к радикальному изменению конфигурации этноконфессионального ландшафта и усилению турецких позиций в республике [Хабибуллина, Тузбеков, 2023; Хабибуллина, 2024]. Связи российских муфтиятов с турецкими партнерами в последние годы рассматривались и автором настоящей статьи: при всем разнообразии многолетних связей трудно говорить о масштабном идейном влиянии Управления по делам религий (Диянет) на деятельность духовных управлений в различных субъектах страны [Гусева, Гумеров, 2024].

К сожалению, подобных обстоятельных исследований, основанных на эмпирических данных, по Республике Татарстан обнаружить не удалось. В историографии имеются призывы дать «соответствующую оценку проекту «Идель-Урал» как радикальной теории, провоцирующей сепаратизм в республиках Урало-Поволжья». Делается небесспорный вывод, что под маской «возрождения истинного национального самосознания» в перспективе произойдет «ассимиляция всех тюркских народов в единый суперэтнос на основе турецкой нации» [Аватков, Бадранов, 2014, с. 288].

И совсем проблемной представляется научная дискуссия на эту тему (вернее, ее практически полное отсутствие) в республиках Северного Кавказа. В единственной обнаруженной нами публикации в отношении Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик фактически отсутствует научное осмысление ситуации, что называется, на земле, а повторяются, по сути, журналистские штампы [Савтырева, 2020].

Заключение

Предпринятый анализ подтвердил наше исходное предположение о неоднородности академических подходов и оценок в отношении тенденций тюркистских усилий Турции на постсоветском пространстве и в тюрко-мусульманских регионах Российской Федерации.

На одном полюсе оценок — секьюритизированный подход. Для него характерно представление о тюркоязычных странах СНГ и российских субъектах как потенциальных жертвах идеологии пантюркизма — объектах воздействия турецкой мягкой силы, которая не сулит им в перспективе ничего хорошего. Для сторонников этого подхода характерны эссенциалистские посылы — приписывание Турции пантюркистских задач, которые, как представляется, не меняются с течением времени и не испытывают влияния со стороны как внешних игроков, так и логики социально-политического развития самого турецкого общества.

Более умеренный исследовательский подход заключается в следующем. Признавая значимость культурно-политического феномена тюркизма, следует учитывать постоянные перемены в соотношениях сил участников региональной политики. На этом поле появляются новые игроки, а турецкий внешнеполитический курс и политика безопасности постоянно корректируются. Подобные новации требуют систематического сбора информации не только из заголовков СМИ и публичных заявлений политиков, но и на уровне потенциальных потребителей пантюркистских идей, и их вдумчивого, а не панически-алармистского, осмысления.

Заметна и следующая закономерность: чем более абстрактны и глобальны рассуждения того или иного автора, тем легче он уходит в область алармизма и квазиполитологических оценок. Антидотом подобных аналитических и оценочных перекосов является максимально критичное отношение к изучаемым источникам, стремление более основательно погружаться вглубь турецкой внутренней и внешнеполитической повестки, обращение к региональным сюжетам.

Следует сконцентрировать усилия и на более предметном изучении деятельности мусульманских религиозных организаций, потенциально способных выступать в качестве инструмента пантюркистского влияния и усиливать националистические настроения.

Важное значение для оценки реальной перспективы реформативирования массовых представлений и выявления предрасположенности к восприятию пантюркистских нарративов у национально-религиозных российских региональных элит имеет систематический социологический мониторинг и мониторинг медиа на наличие пантюркистских маркеров в субъектах с преобладающим тюркоязычным населением.

Библиографический список

Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021; 14(5). С. 162—176. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8> EDN: QXRUNE

Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 5—10. EDN: RENXGV

Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Евразийство в Турции: взгляд на Россию и формирование собственной парадигмы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 20—34. DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02 EDN: LHLLTV

Аминов И.Р. Специфика сетевого взаимодействия сторонников радикального пантюркизма // Причерноморье. История, политика, культура. Серия В: Международные отношения. 2020. № XXIX (IX). С. 30—39. DOI: 10.35103/SMSU.2020.18.15.004 EDN: YAYUDG

Бердин А.Т., Юсупов Ю.М. Влияние пантюркизма в республиках ПФО (на материале националистических организаций Башкортостана). Часть 1 // Власть. 2022. № 6. С.52—58. DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9341 EDN: EUKYIM

Бердин А.Т., Юсупов Ю.М. Влияние пантюркизма в республиках ПФО (на материале националистических организаций Башкортостана). Часть 2 // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 58—65. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9462 EDN: OKGQAT

Бурашникова А. Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. № 2. С.65—69. EDN: ROCXNF

Васильева С.А. Пантюркистские маркеры в экстремистских текстах: теоретические положения // VIII Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. [с междунар. участием], Троицк, 4—5 июля 2019 г. / под ред. Э. З. Ягнаковой. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 190 с. С.37—43. EDN: KUMOYP

Гусева Ю.Н., Гумеров М.М. Управление по делам религии Турецкой Республики (Диянет) и современные российские муфтияты: вопросы взаимодействия на современном этапе // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 2 (60). С. 17—31. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-17-31 EDN: NXWHWY

Евстратов А.Г. Альтернативная Евразия в тени ятаганов: пантюркизм как фактор дестабилизации геополитического БРИКС // Страны БРИКС: Стратегии развития и механизмы сотрудничества в меняющемся мире. Материалы Второй международной научно-практической конференции. В 2-х ч. М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. С.95—98. EDN: OIYJAN

Иванова В.В. Спелое яблоко. Идеалы пантюркизма и идентификационный синкретизм // Азия и Африка сегодня. 2012. № 1. С.65—71. EDN: OTRMXJ

Карякин В.А. Пантюркизм как цивилизационный проект современной Турции // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 3. С. 33—39. DOI:10.37178/ca-c.20.3.03 EDN: JLASHX

Кирчанов М.В. Тюркизм как парадигма турецкой исторической политики // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. Вып. 4 (21). С. 64—74. EDN: FSWTAF

Милокова А.Г., Ковалева А.В., Валюлина Е.В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном Евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ // Мировая политика. 2021. № 1. С.25—38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970 EDN: TSKQNU

Минасян Н.А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 57—81. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\[15\]-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1[15]-57-81) EDN: WFSTXK

Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика/ Под ред. С.Л.Дударева. М.: Изд-во «Русская панорама», 2017. 316 с.

Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и постсоветский Восток. 2024. № 1 (5). С.17—24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02 EDN: BKMKNH

Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 181—206. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206 EDN: MKNAJA

Савтырева Д.А. Концепция объединенной Карачаево-Балкарии в проекте «Великого Турана»: идеи и основные угрозы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Пятигорск, 2020. С. 115—12. EDN: COZINY

Старостин А.Н. Региональные версии пантюркизма как угроза национальной безопасности России на примере движения «Ак Дян» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2024. № 3. С.60—71. EDN: CPTAOV

Хабибуллина З.Р. Джамаат как форма объединения мусульман в общественном пространстве Республики Башкортостан // Исламоведение. 2024. Т. 15. № 4 (62). С. 44—53. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-4-44-53

Хабибуллина З.Р., Тузбеков А.И. Киберсуфизм в Республике Башкортостан: тарикат хакканийи в социальной сети ВКонтакте // Виртуальный ислам на постсоветском пространстве: киберсреда и религиозные авторитеты: кол. монография; под ред. З. Хабибуллиной и Э. Муратовой. Баку: AVE Print, 2023. С. 38—79.

Цибенко В.В. Турецкое религиозное влияние в Республике Башкортостан в контексте этнополитических процессов // Исламоведение. 2019. Т. 10. № 1. С. 27—40. DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-27-40 EDN: ABSKJP

Черников А.В. Пантюркизм: вчера, сегодня, завтра // Провинциальные научные записки. 2024. № 1 (19). С.63—69. EDN: LVQWUK

Чжан Юйянь. Механизмы сотрудничества тюркоязычных стран в период с 1991 по 2022 год // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 2. С.145—156. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.13> EDN: ONTSMZ

Шумилов М.М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке (Часть 2) // Управленческое консультирование. 2022. № 7. С. 37—49. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-7-37-49 EDN: ASUDFC

Sucu A. E., Iskandarov Q. I., Mahmudov R. B., Chernov D. N. Does Turkey have a Central Asian Project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 [3]. С. 82—96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96 EDN: DOAAUD

References

- Aminov I.R. Specifics of Network Interaction among Supporters of Radical Pan-Turkism // *Black Sea Region: History, Politics, Culture. Series B: International Relations*. 2020. No. XXIX (IX). Pp. 30—39. DOI: 10.35103/SMSU.2020.18.15.004. EDN: YAYUDG.
- Avatkov V.A. Post-Soviet Space and Turkey: Results of 30 Years // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2021. 14(5). Pp. 162—176. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-5-8>. EDN: QXRUEH.
- Avatkov V.A., Badranov A.Sh. Turkey's "Soft Power" in Russia's Domestic Politics // *Law and Governance. XXI Century*. 2013. No. 2 (27). Pp. 5—10. EDN: RENXGV.
- Avatkov V.A., Guzaerov R.I. Eurasianism in Turkey: A View of Russia and the Formation of Its Own Paradigm // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 20—34. DOI: 10.31249/kgt/2024.04.02. EDN: LHLITS.
- Berdin A.T., Yusupov Yu.M. The Influence of Pan-Turkism in the Republics of the Volga Federal District (Based on the Example of Nationalist Organizations of Bashkortostan). Part 1 // *Power*. 2022. No. 6. Pp. 52—58. DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9341. EDN: EUKYIM.
- Berdin A.T., Yusupov Yu.M. The Influence of Pan-Turkism in the Republics of the Volga Federal District (Based on the Example of Nationalist Organizations of Bashkortostan). Part 2 // *Power*. 2023. Vol. 31. No. 1. Pp. 58—65. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9462. EDN: OKGQAT.
- Burashnikova A.B. Neo-Pan-Turkism and Neo-Ottomanism in Turkey's Foreign Policy // *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 2013. No. 2. Pp. 65—69. EDN: ROCXNF.
- Chernikov A.V. Pan-Turkism: Yesterday, Today, Tomorrow // *Provincial Scientific Notes*. 2024. No. 1 (19). Pp. 63—69. EDN: LVQWUK.
- Chzhan Yuyan. Mechanisms of Cooperation among Turkic-speaking Countries from 1991 to 2022 // *Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations*. 2024. Vol. 29. No. 2. Pp. 145—156. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.2.13>. EDN: ONTSMZ.
- Evstratov A.G. Alternative Eurasia in the Shadow of Yatagans: Pan-Turkism as a Destabilizing Factor for the Geopolitical BRICS // *BRICS Countries: Development Strategies and Cooperation Mechanisms in a Changing World. Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference*. Moscow: UMTS Publishing House, 2024. Pp. 95—98. EDN: OIJYAH.
- Guseva Yu.N., Gumerov M.M. The Presidency of Religious Affairs (Diyanet) of the Republic of Turkey and Modern Russian Muftiates: Issues of Interaction at the Present Stage // *Islamic Studies*. 2024. Vol. 15. No. 2 (60). Pp. 17—31. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-17-31. EDN: NXWHWY.
- Habibullina Z.R. Jamaat as a Form of Muslim Association in the Public Space of the Republic of Bashkortostan // *Islamic Studies*. 2024. Vol. 15. No. 4 (62). Pp. 44—53. DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-4-44-53.
- Habibullina Z.R., Tuzbekov A.I. Cybersufism in the Republic of Bashkortostan: The Haqqaniyya Tariqat in the Social Network VKontakte // *Virtual Islam in the Post-Soviet Space: Cyberspace and Religious Authorities: A Collective Monograph*. Edited by Z. Habibullina and E. Muratova. Baku: AVE Print, 2023. Pp. 38—79.
- Ivanova V.V. A Ripe Apple: The Ideals of Pan-Turkism and Identification Syncretism // *Asia and Africa Today*. 2012. No. 1. Pp. 65—71. EDN: OTRMXJ.
- Karyakin V.A. Pan-Turkism as a Civilizational Project of Modern Turkey // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 23. No. 3. Pp. 33—39. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.03. EDN: JLSHX.
- Kirchanov M.V. Turkism as a Paradigm of Turkish Historical Policy // *Problems of Social and Human Sciences*. 2019. Issue 4 (21). Pp. 64—74. EDN: FSWTAF.
- Milyukova A.G., Kovaleva A.V., Valyulina E.V. Pan-Turkism and Geopolitical Identity in the Modern Eurasian Space: An Analysis of Media Representations // *World Politics*. 2021. No. 1. Pp. 25—38. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.1.34970. EDN: TSKQNU.

Minasyan N.A. Instruments for Implementing Pan-Turkism in Modern Turkish Foreign Policy and Their Perception by Key Regional and Non-Regional Actors // *Russia and the World: Scientific Dialogue*. 2025. No. 1(15). Pp. 57—81. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\[15\]-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1[15]-57-81). EDN: WFSTXK.

Nadein-Raevsky V.A. Pan-Turkism: Ideology, History, Politics / Edited by S.L. Dudarev. Moscow: Russian Panorama Publishing, 2017. 316 p.

Nadein-Raevsky V.A. Pan-Turkism within the Framework of the Ideological Expansion of the Republic of Turkey // *Near and Post-Soviet East*. 2024. No. 1 (5). Pp. 17—24. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.02. EDN: BKMKHC.

Romanova A.P., Chernichkin D.A. The Influence of Turkey and Pan-Turkism on the Construction of New National Identities in the Caspian Region: The Case of Turkmenistan and Kazakhstan // *RUDN Journal of Political Science*. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 181—206. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206. EDN: MKNAJA.

Savtyreva D.A. The Concept of a United Karachay-Balkaria in the “Great Turan” Project: Ideas and Major Threats // *Topical Problems of the Theory and History of State and Law*. Pyatigorsk, 2020. Pp. 115—121. EDN: COZINY.

Starostin A.N. Regional Versions of Pan-Turkism as a Threat to Russia’s National Security: The Case of the “Ak Dyan” Movement // *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*. 2024. No. 3. Pp. 60—71. EDN: CPTAOV.

Sucu A.E., Iskandarov Q.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey Have a Central Asian Project? // *MGIMO Review of International Relations*. 2021. No. 14 (3). Pp. 82—96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96. EDN: DOAAUD.

Tsibenko V.V. Turkish Religious Influence in the Republic of Bashkortostan in the Context of Ethnopolitical Processes // *Islamic Studies*. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 27—40. DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-1-27-40. EDN: ABSKJP.

Vasilyeva S.A. Pan-Turkist Markers in Extremist Texts: Theoretical Provisions // *VIII Rasulev Readings: Islam in the History and Modern Life of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with International Participation), Troitsk, July 4—5, 2019*. Edited by E.Z. Yagnakova. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press, 2019. Pp. 37—43. EDN: KUMOYP.

Shumilov M.M. The Influence of Pan-Turkism on the Formation of Political Identity of Turkic-speaking States of Central Asia in the 21st Century (Part 2) // *Administrative Consulting*. 2022. No. 7. Pp. 37—49. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-7-37-49. EDN: ASUDFC.

Поступила в редакцию: 12.07.2025
Принята к публикации: 02.09.2025

Received: 12 July 2025
Accepted: 02 September 2025

М.В. Киселенко

Влияние военно-политических факторов на внешнюю политику Узбекистана: военно-техническое сотрудничество как атрибут суверенитета

Аннотация. В статье исследуется влияние военно-политических факторов на формирование внешнеполитического курса Республики Узбекистан. Актуальность темы обусловлена системными реформами, проведенными после смены политического лидера, урегулированием давних территориальных споров в регионе и нарастающей геополитической нестабильностью. Рассмотрены мотивы и векторы военно-технического сотрудничества (ВТС) Ташкента с внешними игроками: Россией, Китаем и др. Опровергается тезис о том, что ВТС Узбекистана направлено на поддержание или корректировку регионального военно-политического баланса. Делается вывод, что военно-техническое сотрудничество является неотъемлемой частью реализации многовекторной внешней политики и рассматривается руководством Узбекистана в качестве необходимого атрибута суверенитета и государственности, служащего для формирования современной, самодостаточной и боеспособной армии.

Ключевые слова: Узбекистан, внешняя политика, военно-техническое сотрудничество, ВТС, многовекторность, суверенитет, региональная безопасность, Россия, Китай, Турция.

Автор: Киселенко Матвей Владимирович, магистр МГИМО (У) МИД РФ.
ORCID: 0009-0002-2520-5523. E-mail: matkis01@gmail.com

Matvei V. Kiselenko

The Impact of Military-Political Factors on Uzbekistan's Foreign Policy: Military-Technical Cooperation as an Attribute of Sovereignty

Abstract. This article examines the impact of military-political factors on the formation of the foreign policy course of the Republic of Uzbekistan. The relevance of the topic is determined by the systemic reforms implemented after the change of political leadership, the final settlement of longstanding territorial disputes in the region, and the growing geopolitical instability. The study provides a detailed analysis of the motives and vectors of Tashkent's military-technical cooperation (MTC) with key external partners — Russia, China etc. The paper challenges the widespread assumption that Uzbekistan's MTC aims to sustain or adjust the regional military-political balance. It concludes that military-technical cooperation constitutes an integral component of Uzbekistan's multi-vector foreign policy and is regarded by the national leadership as a necessary attribute of sovereignty and statehood. In this context, MTC serves as a tool for building a modern, self-reliant, and combat-ready national army.

Keywords: Uzbekistan, foreign policy, military-technical cooperation, MTC, multi-vector policy, sovereignty, regional security, Russia, China, Turkey.

Author: Kiselenko, Matvei V., Master of Science, MGIMO University.
ORCID: 0009-0002-2520-5523. E-mail: matkis01@gmail.com

Изучение военно-политических факторов во внешней политике республики Узбекистан приобретает исключительную актуальность в свете трансформационного периода, начавшегося после смены руководства страны и выразившегося в усилении регионального прагматизма и диверсификации внешних связей. С приходом к власти Шавката Миромоновича Мирзиёева внешняя политика Ташкента претерпела существенные изменения, перейдя от относительной замкнутости к активному региональному и международному взаимодействию. Эти изменения совпали с ключевыми сдвигами в региональной безопасности, такими как подписание в 2025 г. Договора о государственной границе между Кыргызстаном и Таджикистаном, что снизило риск прямого конфликта в Центральной Азии до исторического минимума. Перенаправление фокуса угроз с внутренних региональных споров на внешние вызовы (прежде всего, сохраняющуюся нестабильность в Афганистане) сделало вопросы военного строительства и военно-технического сотрудничества (ВТС) одними из центральных элементов внешней политики Узбекистана.

Рассмотрение ВТС Узбекистана, являющегося внеблоковым государством и не входящего в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), показывает, что данное сотрудничество не может быть исчерпывающе объяснено классическими теориями реализма или неореализма, которые рассматривают военное наращивание как инструмент поддержания баланса сил. Если бы Ташкент стремился лишь к региональному военному превосходству, его политика ВТС была бы более унифицированной и конфронтационной. Однако Узбекистан, напротив, активно диверсифицирует партнеров, используя ВТС для реализации своей многовекторной доктрины и, что критически важно, для укрепления государственного суверенитета.

ВТС как многофункциональный инструмент внешней политики

Военно-техническое сотрудничество Узбекистана представляет собой сложную матрицу, где взаимодействие с каждым внешним игроком выполняет уникальную политическую, экономическую и техническую функцию. Это сотрудничество является живым подтверждением многовекторной политики, которая позволяет Ташкенту одновременно получать гарантии стабильности от одного партнера, современные технологии от другого и стандарты подготовки от третьего. ВТС в этом контексте остается не просто закупкой вооружения, а дипломатическим и технологическим маневром, направленным на обеспечение военной самодостаточности государства.

Сотрудничество Узбекистана и России в области ВТС

Сотрудничество Узбекистана и России в военной сфере развивалось волнообразно и преимущественно в двустороннем формате. После отказа Ташкента от пролонгации ДКБ в 1999 г. на фоне стремления дистанцироваться от российских интеграционных проектов и кратковременного поворота к Организации за демо-

кратию и экономическое развитие (ГУАМ) кооперация заметно сузилась. Вновь она активизировалась после охлаждения отношений Узбекистана с Западом в 2005—2006 гг., когда республика восстановила членство в ОДКБ, однако уже в 2012 г. снова приостановила участие, закрепив внеблоковый статус. В результате основой взаимодействия стала двусторонняя договорная рамка: Договор о принципах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве (1992), Декларация о развитии и углублении всестороннего сотрудничества (1994), Договор о дальнейшем углублении сотрудничества в военной и военно-технической областях (1999), соглашения 2001 г. по приграничным вопросам и совместному применению ВВС/ПВО, а также Договор о стратегическом партнерстве (2004) и Договор о союзнических отношениях (2005). Именно последние два документа придали импульс расширению поставок и ремонту техники.

Дальнейшая институционализация пришлась на 2012 г.: была согласована программа оснащения узбекской армии российским вооружением до 2020 г., а параллельная договоренность о реструктуризации долга открыла пространство для новых кредитных линий. В 2017 г. стороны заключили соглашение о развитии ВТС (взаимные поставки, обслуживание и ремонт, содействие НИОКР). Впервые в апреле 2021 г. утверждена программная рамка стратегического партнерства в военной сфере; позднее согласованы план межведомственного сотрудничества на 2025 г. и Программа стратегического партнерства на 2026—2030 гг.

Материально-техническое измерение включает закупки: ориентировочно 50 БТР-80 (2001), один дивизион С-125 «Печора-2М» (2008), 75 ракет Р-73 (2016), 12 вертолетов Ми-35М (2018), 4 БТР-82А и 20 «Тайфун-К-53949» (2019) [Arms transfers database]. Доля российского вооружения в армии Узбекистана, по оценкам экспертов, составляет около 60 % [Импорт вооружений в Центральной Азии...], что вызывает споры о зависимости Узбекистана от РФ. Эта зависимость может быть обусловлена несколькими факторами: историческим наследием, унификацией вооружения со времен СССР, которая обеспечивает совместимость систем и упрощает логистику; а также относительно более низкой стоимостью и доступностью техники и запасных частей.

Учебно-боевой трек реализуется через СНГ, ШОС и двусторонние форматы: «Боевое содружество-2007», «Юг-2021», «Мирная миссия-2021», «Евразия-Анти-террор-2023», «Боевое содружество-2023» (Объединенная система ПВО СНГ), «Восток-Антитеррор-2024». Наконец, образовательное сотрудничество постепенно расширяется: если в 2018 г. обучение в российских военных вузах начали около 340 военнослужащих Узбекистана [Более 340 военных Узбекистана...], то к 2022 г. их число увеличилось примерно до 500 [Сотрудничество Узбекистана и России].

Для Узбекистана партнерство с Россией критически важно для поддержания базовой боеспособности и технологического уровня армии. Ташкент регулярно проводит совместные учения, что соответствует стратегическим интересам России. Однако, несмотря на стратегическое партнерство, Узбекистан сохраняет свой внеблоковый статус, отказываясь от вступления в ОДКБ, что является четким сигналом о приоритете национального суверенитета над коллективной безо-

пасностью под эгидой Москвы. Этот прагматичный подход позволяет получать выгоду от ВТС, одновременно минимизируя политические обязательства. Кроме того, дилемма зависимости, связанная с российским ВПК, является одним из главных стимулов для активной диверсификации партнеров.

Узбекистан и Китай: ВТС в контексте «Пояса и пути»

Сотрудничество Узбекистана с Китаем в военно-технической сфере неуклонно расширяется, хотя и уступает по объему российскому. ВТС с КНР выходит за рамки классических военных закупок и тесно вплетено в стратегическую инициативу «Пояса и пути». Китайские поставки в Узбекистан сфокусированы на специфических областях, связанных с нетрадиционными угрозами и пограничным контролем.

Отправной точкой стало соглашение о военно-техническом сотрудничестве 2000 г., предусматривавшее поставки китайского вооружения и боеприпасов. Уже год спустя, 15 июля 2001 г., Узбекистан присоединился к только что созданной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в учредительных документах которой были зафиксированы три ключевых направления взаимодействия — безопасность, экономика и гуманитарная сфера. Параллельно государства-члены подписали Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, тем самым задав долгосрочную антитеррористическую рамку («три силы зла»), в которую органично вписалось сотрудничество Ташкента и Пекина.

Институционализация двусторонних контактов продолжалась и далее. В 2011 г. был подписан меморандум между Народным университетом общественной безопасности КНР и Академией МВД Узбекистана [Перминова, 2024, с. 107]; в 2012 г. — Совместная декларация о стратегическом партнерстве, а в 2014 г. — Программа развития стратегических отношений на 2014—2018 гг. Следующий шаг пришелся на 2017 г., когда стороны заключили соглашение о сотрудничестве в сфере военного образования. Наконец, в 2024 г. отношения были подняты до уровня «всепогодного» всеобъемлющего партнерства новой эпохи, что отражает их устойчивость вне зависимости от конъюнктуры.

Материально-технический трек имеет прикладной характер. В 2013 г. Узбекистан первым в Центральной Азии получил пять ударных БПЛА Wing Loong-1 и 30 управляемых ракет Blue Arrow-7 [Arms transfers database]; к 2022 г. КНР стала вторым после России поставщиком вооружений для республики [Перминова, 2024, с. 110]. В 2017 г. были приобретены зенитные ракетные комплексы HQ-9 и 60 ракет к ним, а в 2019 г. на учениях на полигоне «Чирчик» фиксировались переносные ЗРК QW-18 (без публичных данных по количеству).

Наконец, практическая кооперация опирается на регулярные учения, преимущественно в двустороннем формате с участием Национальной гвардии Узбекистана. Показательны контртеррористические маневры «Cooperation 2019», «Peace Mission 2021» в составе вооруженных сил государств — членов ШОС, а также антитеррористические учения компетентных органов стран ШОС и СНГ

«Евразия-Антитеррор-2023». В совокупности договорная база, поставки и совместная подготовка формируют устойчивую, прагматичную и все более технологичную модель узбекско-китайского взаимодействия в сфере обороны.

Сотрудничество Узбекистана с США

Сотрудничество Узбекистана и США формировалось поступательно и сегодня опирается на несколько взаимодополняющих треков. Отправной точкой стало присоединение Ташкента в 1994 г. к программе НАТО «Партнерство ради мира», после чего с 1996 г. взаимодействие велось в рамках ежегодных «Индивидуальных программ партнерства и сотрудничества». Качественный сдвиг зафиксирован в 2009 г., когда было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве. С 2018 г. кооперация приобрела плановый характер благодаря пятилетним дорожным картам, что придало ей большую предсказуемость и горизонт планирования.

Материально-техническая составляющая достигла пика в 2015 г., когда Узбекистан стал крупнейшим получателем американской военной помощи в Центральной Азии [Izimov, 2016]: ему были переданы 159 бронемашин M-ATV, 55 RG-33, 70 MaxxPro и 50 Cougar, пограничная служба дополнительно получила 20 вездеходов MAN TGM [Arms transfers database]. В последующем акцент сместился к точечному наращиванию возможностей: в 2018—2019 гг. поставлены 24 дизельных двигателя Cummins (375 л.с.), что свидетельствует о поддержке эксплуатационной готовности уже имеющейся техники.

Не менее показательно развитие учебно-боевого трека. В 2019—2020 гг. фиксируется резкий рост интенсивности совместной подготовки: в январе 2019 г. прошли тренировки спецподразделений Республики Узбекистан и Национальной гвардии США на полигоне Camp Shelby (Миссисипи), в сентябре — пилотные учения в гарнизоне Чирчик, а в марте 2020 г. — маневры «Invincible Guardian-2020» на территории Узбекистана [Uzbekistan and the US have conducted...]. Параллельно укреплялась образовательная компонента: 24 июля 2015 г. Офис НАТО в Ташкенте запустил курсы военного английского для офицеров (первый набор — 15 человек), расширив кадровую базу для участия в мероприятиях альянса [Izimov, 2016].

Наконец, характер двусторонних отношений во многом определила эксплуатация авиабазы Ханабад (K2) для поддержки военной операции в Афганистане: соглашение заключено в октябре 2001 г., а в июле 2005 г. Ташкент, действуя в рамках договора, инициировал вывод контингента в шестимесячный срок. В совокупности поставки, подготовка кадров, совместные учения и адресная финансовая помощь (включая \$20 млн на развитие сил специальных операций [Yuldasheva, 2022]) формируют прагматичную, многоуровневую и институционализированную модель узбекско-американского оборонного взаимодействия.

При этом имеет место и точечное сотрудничество со странами блока НАТО: так, например, Узбекистан получил 6 легких вертолетов AS-350/AS-550 «Fennec» из Франции в период с 2014 по 2016 г., 8 транспортных вертолетов AS-532

«Cougar» из Франции в период с 2015 по 2016 г., еще 8 транспортных вертолетов AS-532 «Cougar» из Франции в период с 2019 по 2023 г., а также 4 транспортных самолета C-295 из Испании в период с 2015 по 2016 г. [Arms transfers database].

ВТС на западном направлении внешней политики Узбекистана выполняет важную политическую функцию: оно позволяет государству демонстрировать открытость и многовекторность, поддерживать каналы диалога с США и получать доступ к передовым методикам подготовки, что также способствует укреплению суверенитета в глазах международного сообщества.

Сотрудничество Узбекистана с Турцией

В последние годы Узбекистан активно развивает ВТС со «средними» державами, чьи военные технологии отличаются высоким качеством, но не несут геополитического бремени, характерного для великих держав, таких как РФ, США или КНР. Ключевым партнером в этом смысле выступает Турция.

Сотрудничество Узбекистана и Турции формировалось поэтапно и на протяжении трех десятилетий приобрело более институционализированный характер. Отправной точкой стал подписанный в 1992 г. договор о военном образовании, который, впрочем, долго оставался нератифицированным, что объективно сдерживало практическую кооперацию. Существенный шаг вперед был сделан в 2000 г., когда стороны заключили два ключевых соглашения — о военном и военно-техническом сотрудничестве, а также о сотрудничестве в сфере безопасности и борьбе с терроризмом. Эти документы задали базовую архитектуру взаимодействия и позволили перейти от эпизодических контактов к более системной повестке.

Дальнейшая институционализация последовала в 2022 г., когда было подписано Рамочное соглашение о военном и военно-техническом сотрудничестве. Хотя его содержание официально не раскрывается, Министерство обороны Узбекистана подчеркивало, что речь идет об углублении связей в области боевой подготовки, военного образования и оборонной промышленности, вследствие чего кооперация получила дополнительные траектории роста.

Материально-техническое измерение сотрудничества также развивалось неравномерно. В начале 2000-х гг. турецкая помощь носила преимущественно безвозмездный характер: в 2002 г. было поставлено имущества на 1,2 млн долл., в 2003 г. — на 1,5 млн долл. в рамках антитеррористической повестки, а в 2004 г. — еще на 610 тыс. долл. [Овсепян, 2010, с. 93]. Вместе с тем уже к концу 2004 г. такая помощь де-факто была свернута. Позднее акцент сместился к контрактным поставкам: в 2018—2019 гг. Узбекистан получил 24 колесные бронемашины Ejder Yalçın, а в 2023 г. — четыре ударных БПЛА Bayraktar TB2, что указывает на растущую технологическую совместимость и интерес к турецким решениям в сфере БПЛА.

Наконец, важной опорой остается совместная подготовка и учения. В 2023 г. узбекские подразделения участвовали в многонациональных маневрах «Вечное братство-II», в 2024 г. — «Вечное братство-III» [Multinational special forces drill]. Кроме того, военнослужащие Узбекистана привлекались к турецким учениям

«Кыш-2023» и «Кыш-2025» [Военные учения «Кыш-2025»]. Таким образом, договорная база, поставки и регулярные учения в совокупности формируют устойчивую, прагматичную и постепенно углубляющуюся модель узбекско-турецкого оборонного сотрудничества.

Выводы

Ключевой вывод, который следует из анализа внешнеполитической практики Узбекистана, заключается в том, что его ВТС не направлено на поддержание или корректировку военного баланса сил с другими региональными игроками. Напротив, оно является необходимым условием для строительства современной и боеспособной армии, рассматриваемой руководством страны как неотъемлемый атрибут государства.

Таким образом, можно сказать, что, цель ВТС — это укрепление суверенитета в широком смысле, что не сводится лишь к традиционному расчету национальной безопасности. Это укрепление реализуется в трех ключевых измерениях:

Во-первых, это символическое измерение. Наличие современных военных систем, участие в международных учениях и показательные военные парады с новейшим вооружением выступают важными символами государственного суверенитета и независимости на международной арене. Это демонстрирует способность Узбекистана самостоятельно обеспечивать свою безопасность.

Во-вторых, непосредственно функциональное измерение. Современная, хорошо оснащенная и обученная армия способна самостоятельно и эффективно противостоять внутренним и трансграничным угрозам, таким как терроризм, экстремизм и контрабанда без необходимости прямого военного привлечения сил великих держав. Для Узбекистана, исходя из горького опыта 2005 г., это критически важно: военная самодостаточность является высшей формой политической независимости, поскольку она минимизирует предлог для внешнего вмешательства под видом «оказания помощи».

Наконец, это технологическое развитие. Стратегия диверсификации поставщиков (Россия, Китай, Турция) позволяет Ташкенту избежать монопольной технологической зависимости от одного ВПК. Приобретая различные системы, Узбекистан формирует собственные технологические компетенции в области обслуживания, ремонта, модернизации и, в перспективе, локализации производства. Это постепенный, но последовательный путь к технологическому суверенитету и к созданию устойчивого национального военно-промышленного комплекса.

Таким образом, военно-техническое сотрудничество Узбекистана является частью его общего политического курса и конкретным проявлением принципа многовекторности, который, в свою очередь, выступает главной доктриной обеспечения и укрепления национальной государственности в условиях геополитической турбулентности. Решения о ВТС продиктованы не столько потребностью в корректировке регионального военного баланса, сколько стремлением к военному самообеспечению как столпу национального суверенитета.

Библиографический список

Более 340 военных Узбекистана начали обучение в РФ в этом году // Sputnik Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20181012/9675601.html> (дата обращения: 20.01.2025).

Военные учения «Кыш-2025»: укрепление обороны стран Евразии // Евразия Today. URL: <https://eurasiatoday.ru/voennye-ucheniya-kysh-2025-ukreplenie-oborony-stran-evrazii/?ysclid=m94bee4fpo231639857> (дата обращения: 20.04.2025).

Импорт вооружений в Центральной Азии: тренды и направления для диверсификации // CABAR.asia. URL: <https://cabar.asia/ru/import-vooruzhenij-v-tsentralnoj-azii-trendy-i-napravleniya-dlya-diversifikatsii> (дата обращения: 20.01.2025).

Овсепян Л. Военно-политические аспекты сотрудничества Турции со странами Центральной Азии: общая динамика развития // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13, № 2. С. 93—101. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/07.shtml (дата обращения: 20.04.2025).

Перминова А. А. Военно-техническое сотрудничество КНР со странами Центральной Азии: выводы для России // Россия и современный мир. 2024. № 1(122). С. 107—125.

Сотрудничество Узбекистана и России: итоги 2022 года // E-CIS.info. URL: <https://e-cis.info/news/568/105908/?ysclid=m7acbtnda9949575566> (дата обращения: 20.01.2025).

Arms transfers database. URL: <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (дата обращения: 20.01.2025)

Multinational special forces drill 'Eternal Brotherhood-II' concludes // Pakistan Today. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2023/10/01/multinational-special-forces-drill-eternal-brotherhood-ii-concludes/> (дата обращения: 20.04.2025).

Ruslan Izimov. The Dynamics of the US-Uzbekistan Relations // CABAR.asia. — URL: <https://cabar.asia/en/ruslan-izimov-the-dynamics-of-the-us-uzbekistan-relations> (дата обращения: 20.01.2025).

Uzbekistan and the US have conducted military exercises to respond to crises // UZSECUREEXPO — 2020. URL: <https://ieg.uz/en/post/secure/uzbekistan-and-us-have-conducted-military-exercises-respond-crises> (дата обращения: 20.01.2025).

Yuldasheva, G. Uzbekistan — US: A New Stage of Strategic Partnership / G. Yuldasheva // USA & Canada: Economics — Politics — Culture. 2022. Issue 2. p. 57—72. URL: <https://usacanada.jes.su/issue.2022.1.2.2/> (дата обращения: 20.01.2025).

References

Bolee 340 voennykh Uzbekistana nachali obuchenie v RF v etom godu // Sputnik Uzbekistan. [Over 340 Uzbek servicemen started training in Russia this year]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20181012/9675601.html> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

Import vooruzhenij v Tsentral'noi Azii: trendy i napravleniya dlya diversifikatsii // CABAR.asia. [Import of armaments in Central Asia: Trends and directions for diversification]. URL: <https://cabar.asia/ru/import-vooruzhenij-v-tsentralnoj-azii-trendy-i-napravleniya-dlya-diversifikatsii> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

Izimov, R. The dynamics of the US—Uzbekistan relations. CABAR.asia. <https://cabar.asia/en/ruslan-izimov-the-dynamics-of-the-us-uzbekistan-relations> (accessed: 20 January 2025).

Ossep'yan, L. Voenno-politicheskie aspekty sotrudnichestva Turtsii so stranami Tsentral'noi Azii: obshchaya dinamika razvitiya // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2010. T. 13, № 2. S. 93—101. [Military-political aspects of Turkey's cooperation with Central Asian states: Overall dynamics]. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/07.shtml (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Ovsepyan, L. Voenno-politicheskie aspekty sotrudnichestva Turtsii so stranami Tsentral'noi Azii: obshchaya dinamika razvitiya // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2010. T. 13, № 2. S. 93—101. [Military-political aspects of Turkey's cooperation with Central Asian states: Overall dynamics]. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2010/journal_rus/cac-02/07.shtml (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Pakistan Today. (2023, October 1). Multinational special forces drill 'Eternal Brotherhood-II' concludes. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2023/10/01/multinational-special-forces-drill-eternal-brotherhood-ii-concludes/> (accessed 20 April 2025).

Perminova, A. A. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo KNR so stranami Tsentral'noi Azii: vyvody dlya Rossii // Rossiya i sovremennyyi mir. 2024. № 1(122). S. 107—125. [The PRC's military-technical cooperation with Central Asian states: Implications for Russia]. (In Russian).

Perminova, A. A. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo KNR so stranami Tsentral'noi Azii: vyvody dlya Rossii // Rossiya i sovremennyyi mir. 2024. № 1(122). S. 107—125. [The PRC's military-technical cooperation with Central Asian states: Implications for Russia]. (In Russian).

SIPRI. (n.d.). SIPRI Arms Transfers Database. <https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult> (accessed: 20 January 2025).

Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii: itogi 2022 goda // E-CIS.info. [Cooperation between Uzbekistan and Russia: Results of 2022]. URL: <https://e-cis.info/news/568/105908/?ysclid=m7acbtrda9949575566> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

Sotrudnichestvo Uzbekistana i Rossii: itogi 2022 goda // E-CIS.info. [Cooperation between Uzbekistan and Russia: Results of 2022]. URL: <https://e-cis.info/news/568/105908/?ysclid=m7acbtrda9949575566> (accessed: 20 January 2025). (In Russian).

UZSECUREEXPO — IEG. (2020). Uzbekistan and the US have conducted military exercises to respond to crises. <https://ieg.uz/en/post/secure/uzbekistan-and-us-have-conducted-military-exercises-respond-to-crises> (accessed: 20 January 2025).

Voennye ucheniya “Kysh-2025”: ukreplenie oborony stran Evrazii // Evraziya Today. [“Kysh-2025” military exercise: Strengthening Eurasian defense]. URL: <https://eurasiatoday.ru/voennye-ucheniya-kysh-2025-ukreplenie-oborony-stran-evrazii/?ysclid=m94bee4fpo231639857> (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Voennye ucheniya “Kysh-2025”: ukreplenie oborony stran Evrazii // Evraziya Today. [“Kysh-2025” military exercise: Strengthening Eurasian defense]. URL: <https://eurasiatoday.ru/voennye-ucheniya-kysh-2025-ukreplenie-oborony-stran-evrazii/?ysclid=m94bee4fpo231639857> (accessed: 20 April 2025). (In Russian).

Yuldasheva, G. (2022). Uzbekistan — US: A new stage of strategic partnership. USA & Canada: Economics — Politics — Culture, Issue 2, 57—72. <https://usacanada.jes.su/issue.2022.1.2.2/> (accessed: 20 January 2025).

Поступила в редакцию: 01.09.2025

Принята к публикации: 12.09.2025

Received: 01 September 2025

Accepted: 12 September 2025

Р.А. Полончук

Подходы китайского руководства к обеспечению безопасности Центральной Азии в условиях развития ШОС

Аннотация. В данной статье анализируется растущая роль Китая в обеспечении безопасности в Центральной Азии. Рассматриваются различные аспекты китайского влияния, включая экономические инвестиции, дипломатические усилия, сотрудничество в сфере безопасности и участие в региональных организациях, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Исследование оценивает мотивы Китая, его стратегии и инструменты, используемые для достижения целей в области региональной безопасности, а также оценивает влияние его политики на стабильность и динамику обстановки в Центральной Азии. Особое внимание уделяется вызовам и возможностям, которые представляет собой китайское присутствие для стран региона, а также для других международных игроков, таких как Россия и США. В заключении предлагается прогноз развития ситуации с учетом растущего влияния Китая и его последствий для региональной безопасности и геополитики.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, безопасность, диверсификация, внешняя политика, зависимость, влияние, Пекин, зона безопасности.

Автор: Полончук Руслан Андреевич, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0000-5495-3016. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

Ruslan A. Polonchuk

Approaches of the Chinese Leadership to Ensuring Security in Central Asia in the Context of the Development of the SCO

Abstract. This article examines China's growing role in Central Asian security. Various aspects of Chinese influence are examined, including economic investment, diplomatic efforts, security cooperation, and participation in regional organizations such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The study assesses China's motives, strategies, and instruments used to achieve its security objectives in the region, and evaluates the impact of its policies on the stability and dynamics of Central Asia. Particular attention is paid to the challenges and opportunities that China's presence poses for the Central Asian countries, as well as for other international actors such as Russia and the United States. The article concludes by offering a forecast for future developments in the region, taking into account China's growing influence and its implications for regional security and geopolitics.

Keywords: Central Asia, China, security, diversification, foreign policy, dependence, influence, Beijing, security zone.

Author: Polonchuk, Ruslan A., Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0009-0000-5495-3016. E-mail: polonchuk@iccaras.ru

В условиях современной международной обстановки дискуссия о совершенствовании механизма обеспечения безопасности Центральной Азии (ЦА) остается в фокусе исследований профессионального сообщества [Бордачев, Тебин, 2025]. С точки зрения изучения проблем глобального и регионального развития, регион ЦА традиционно представляет значительный интерес для отечественных и зарубежных исследователей, поскольку являет собой совокупность взаимосвязанных субъектов международных отношений, взаимодействие между которыми постоянно усложняется. В связи с этим все более обоснованным становится комплексный подход к одновременному изучению региона с позиций национальной, региональной и глобальной безопасности.

Страны ЦА смогли со временем стать единой системой, на которую же, однако, влияют и другие внешние игроки. Так, в свете конкуренции великих держав (стратегический «треугольник» США—Россия—Китай) данный регион становится своеобразной площадкой для апробации подходов к обеспечению безопасности, в том числе и за счет участия внешних акторов [Румянцев, 2024]. Представляется, что, несмотря на определенные объективные трудности, за счет своих экономических, политических и военных возможностей в обеспечении региональной безопасности в ЦА преуспел именно Китай. Данное обстоятельство делает исследование китайских подходов к обеспечению безопасности в ЦА насущной задачей, которая представляет интерес для органов государственной власти и частных структур России, участвующих во внешнеполитической деятельности.

Экскурс в проблему

В Центральной Азии с китайским присутствием связано много опасений и предубеждений. Однако, несмотря на объективные проблемы в отношениях и очевидные препятствия, в регионе увеличивается влияние КНР даже в чувствительной сфере безопасности. У этого процесса есть два основных двигателя. Во-первых, с момента обретения независимости страны ЦА видят главной целью своей внешней политики диверсификацию международных связей. Во-вторых, с ростом влияния Китая растет и его потребность в расширении своего «зонтика безопасности», а Центральная Азия по географическим причинам попадает под него в первую очередь.

Эти два фактора не сильно зависят от сторонних обстоятельств, по крайней мере, сложно представить такое событие, которое заставило бы страны Центральной Азии отказаться от своей многовекторности во внешней политике, а Китай — от укрепления своего «зонтика безопасности». Поэтому сближение Китая и Центральной Азии в вопросах безопасности — долгосрочный тренд, который с годами будет усиливаться. Чтобы понять, в каком направлении это партнерство будет двигаться в будущем, необходимо иметь представление о том, как оно выглядит сегодня [«Новая холодная война»...].

Фундамент сотрудничества

Когда речь заходит о взаимодействии Китая с государствами ЦА, зачастую упоминается китайское присутствие в экономике региона. Например, по имею-

щимся оценкам в период 2020—2024 гг. Китай является вторым главным торговым партнером для Казахстана (18,2 млрд долл.), Узбекистана (7,4 млрд долл.) и Киргизии (1,5 млрд долл.). При этом Китай — третий главный партнер для Таджикистана (839,3 млн долл.) и Туркменистана (1 млрд долл.). К 2020 г. объем накопленных инвестиций Китая в Центральную Азию превысил 12 млрд долл. (аналогичный показатель российских инвестиций в три раза меньше — 4,1 млрд долл.) [The CIA World Factbook...].

Некоторые специалисты полагают, что наблюдаемое в последние годы укрепление партнерства в сфере безопасности (к примеру, новости о появлении в Таджикистане уже второй китайской «военной базы») — это результат динамичного экономического сотрудничества. Распространено и следующее предположение: раньше Китай интересовался лишь инвестициями в регион, а в вопросах безопасности предпочитал полагаться на Россию [Тренин, Авакянц, Караганов, 2024].

Со своей стороны отметим, что самые первые шаги, которые Китай предпринял в направлении Центральной Азии сразу после образования независимых стран, касались именно сферы безопасности. Связано это в первую очередь с тем, что после распада СССР КНР обнаружила себя в неудобном положении. Вместо одного государства на границе Китая возникло много новых. С обществами Центральной Азии в составе СССР Пекин все это время взаимодействовал через Москву. Поэтому в начале 1990-х гг. еще не было понятно, какими окажутся политические режимы новых государств, какой путь развития они изберут.

Усложняло ситуацию и то, что регион из пяти независимых стран Центральной Азии возник по соседству с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР). Главное опасение Пекина состояло в том, что пример соседей в обретении независимости придаст новый толчок сепаратистским настроениям в этнически, культурно и лингвистически близком к центральноазиатским странам Синьцзяне. Кроме того, именно на это время пришелся подъем сепаратистского движения в СУАР. Поэтому Пекину было необходимо в первую очередь убедиться, что возникшие здесь государства не станут поддерживать активистов из различных движений за независимость Восточного Туркестана, а станут сотрудничать по вопросам борьбы с любыми проявлениями сепаратизма [«Новая холодная война»...].

Эти вопросы изначально обсуждались на самом высоком уровне. Например, во время первого официального турне председателя КНР Цзянь Цзэмина по Центральной Азии в 1996 г. консенсус по вопросам противостояния любым сепаратистским настроениям был закреплен на бумаге вместе с обязательствами «укреплять взаимное доверие в военной сфере».

Политическим режимам Центральной Азии, в свою очередь, тоже было необходимо наладить новые контакты и заручиться поддержкой крупных соседей. На начальном этапе предпринимались отдельные локальные попытки поддержки уйгурских активистов. В Центральной Азии, по некоторым оценкам, проживает около 500 тыс. этнических уйгуров, некоторые из них пытались открывать ячейки «Исламского движения Восточного Туркестана» (признано международной террористической организацией СБ ООН). Однако на государственном уровне ни о какой поддержке уйгурского сепаратизма речи не шло. Руководители стран Центральной Азии понимали, что своей помощью не смогут всерьез изменить поло-

жение уйгуров и мусульман в Китае, а своими неудачными попытками лишь рассердят Пекин. Более того, некоторые руководители стран Центральной Азии ассоциировали себя скорее с Пекином, нежели с СУАР: Узбекистан сталкивался с похожими проблемами в Каракалпакстане, Таджикистан — на Памире и т. д.

Если у истоков двустороннего сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем по вопросам безопасности лежит вопрос Синьцзяна, то началом многостороннего сотрудничества можно назвать решение территориальных вопросов через формат «Шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан), которая позже в 2001 г. преобразовалась в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Сегодня ШОС — основная площадка, которую КНР использует для многостороннего сотрудничества в сфере безопасности со странами ЦА [Стратегический обзор...].

Третий важный аспект сотрудничества Китая со странами Центральной Азии возник на волне глобальной борьбы против терроризма после терактов 11 сентября 2001 г. Примерно в то же время Китай объединил сепаратизм, экстремизм и терроризм в единый концепт «трех сил зла», а Центральная Азия превратилась в буфер между Китаем и несущим угрозы безопасности Афганистаном. В 2021 г. с приходом к власти в Кабуле движения «Талибан» данная роль региона стала еще более актуальной для Пекина [«Новая холодная война»...].

Вся экономическая активность, которую можно наблюдать в отношениях КНР и Центральной Азии, была бы невозможна, если бы страны не пришли к консенсусу по вышеперечисленным аспектам сотрудничества в сфере безопасности. Причем отчасти вовлечение в экономическое развитие региона также продиктовано желанием стабилизировать ситуацию в СУАР. Регионы КНР по-разному ощутили на себе эффект китайского «экономического чуда»: если прибрежные провинции процветали все последние десятилетия, то северо-западные превратились в относительно депрессивные регионы¹. Такой контраст в благополучии лишь усугублял существующие проблемы. Пример самого масштабного плана по сглаживанию контраста в развитии разных регионов — это инициатива «Пояса и пути», сухопутную часть которой («Экономический пояс шелкового пути») председатель КНР Си Цзиньпин запустил более 10 лет назад в Казахстане.

Подходы к защите национальных интересов КНР в Центральной Азии

Предметное сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в сфере безопасности начало реализовываться в 2000-е гг. после того, как стороны договорились решить территориальные споры, а также достигли понимания по вопросам недопустимости поддержки сепаратизма. В 1990-е гг. страны в основном

¹ В данном аспекте в китайской научной литературе зачастую используется термин «ржавый пояс», под которым китайские ученые понимают территории КНР, которым в 1990-е и 2000-е гг. не выделялось приоритетное финансирование для модернизации социальной структуры и промышленности. В связи с этим ряд предприятий на данных территориях пришел в упадок. Этим предприятиям потребовалось еще больше инвестиций для ускоренного развития до уровня промышленности южных провинций Китая, которые все это время получали приоритетное финансирование.

налаживали контакты, находили точки соприкосновения, то есть вели активную дипломатию, в том числе и по линии военных ведомств.

Всего с начала установления дипотношений и до 2020 г. число встреч официальных лиц разного уровня, на которых обсуждались вопросы безопасности, достигло почти 300, а с начала 2000-х гг. по 2020 г. состоялось около 150 встреч высокопоставленных представителей оборонных ведомств Китая с коллегами из центральноазиатских стран. На фоне пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 формат взаимодействия был расширен за счет проведения мероприятий в онлайн формате [Конкуренция между США и КНР...].

Отслеживая вопросы, которые стороны обсуждали на этих встречах, можно понять, на чем китайское руководство в разное время концентрировало свое внимание в Центральной Азии. В 1990-е гг. основные вопросы касались борьбы с сепаратизмом. Для укрепления стабильности недавно оформленных политических режимов как изнутри, так и извне странам Центральной Азии было выгоднее сотрудничать с Пекином в борьбе с сепаратизмом в СУАР.

Позже, в 2000-х гг., на встречах по вопросам безопасности стороны стали чаще обсуждать борьбу с терроризмом и радикальным исламом («тремя силами зла»). На практике это реализовалось в активизации совместных военных учений и взаимодействия силовых структур. Примечательно, что свои первые в истории двусторонние учения Народно-освободительная армия Китая (НОАК) провела именно с Киргизией в октябре 2002 г. С тех пор КНР провела более 12 двусторонних военных учений со всеми странами Центральной Азии. При этом практически все многосторонние учения с участием КНР и стран региона проходят под эгидой ШОС, а с 2003 г. их было организовано более двадцати [The Chinese Peoples...].

Основные сценарии, которые китайские силовые структуры разыгрывают совместно с центральноазиатскими коллегами, зависят от страны и обстоятельств. К примеру, в последнее время чаще проводятся учения в киберпространстве: военные тренируются совместно выявлять экстремистские материалы в социальных сетях и обмениваться данными о террористических группировках, действующих в интернете. После 2016 г. стали чаще прорабатываться сценарии ликвидации террористических группировок.

В целом, 2016 г. стал переломным моментом в отношениях Китая со странами Центральной Азии. В августе 2016 г. в посольстве КНР в Бишкеке произошел теракт, в ходе которого смертник протаранил ворота и подорвал себя. Никто из представителей китайской дипмиссии не пострадал, однако данное событие оказало важный психологический эффект на политику КНР в регионе. С этого момента к традиционно обсуждавшемуся партнерству в борьбе с «тремя силами зла» стали добавляться вопросы обеспечения безопасности китайских граждан на территории стран Центральной Азии [«Новая холодная война»...].

Помимо диалога с властями стран Центральной Азии, КНР стала поощрять работу китайских частных охранных компаний в регионе. Сегодня известно о десятках случаев, когда китайские объекты в Центральной Азии охраняются китайскими же частными охранными предприятиями, в основном в Киргизии.

Несмотря на повышенную активность Пекина в отдельных вопросах, КНР не собирается заменить Россию в роли главного гаранта региональной безопас-

ности в Центральной Азии. Пока китайское присутствие невозможно сравнивать с российским. Ни у кого, кроме Москвы нет легальных инструментов для открытого военного присутствия в регионе. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) продемонстрировала это в январе 2022 г. в Казахстане. Следует также отметить, что никто не располагает военными объектами в Центральной Азии в тех же количествах и масштабах, что и Россия.

Тем не менее, сложно не заметить растущее влияние Китая в этой сфере. Особенно это видно по статистике торговли вооружениями и военной техникой. Россия все еще является доминирующим поставщиком, продав с 1991 г. Центральной Азии вооружений и военной техники на сумму около 4 млрд долл. США. При этом если страны, входящие в ОДКБ, практически все свое вооружение закупают в России, то для Узбекистана и Туркменистана ситуация обстоит иначе. Ташкент — единственный, кто с 1991 г. закупил в денежном выражении вооружений больше в Китае, чем России¹. Придерживающийся во внешней политике нейтральности Туркменистан с 2014 по 2018 гг. также закупил в России меньше оружия, чем в Китае. При этом необходимо подчеркнуть, что главным поставщиком вооружений в Туркменистан является Турция [Стратегический обзор...].

С другой стороны, такое положение дел можно объяснить различной специализацией Москвы и Пекина на рынке военной техники. Так, на вооружении стран Центральной Азии в основном стоят китайские ударные беспилотные летательные аппараты «Винлун-1», броневые автомобили и патрульные машины, ракеты наземного базирования, переносные зенитные ракетные комплексы третьего поколения «Цяньвэй-2» и мобильные радиолокационные станции. Все остальное, включая воздушную военную технику и тяжелую сухопутную, страны Центральной Азии закупают в России.

Такая же специализация прослеживается в военных учениях между КНР и странами Центральной Азии, если сравнивать их с российскими. К примеру, большинство учений с Россией (65 %) организованы вооруженными силами РФ, а с участием Китая — различными силовыми ведомствами, а также спецназом.

Перспективы военно-политического присутствия КНР в Центральной Азии

Основа присутствия Китая в сфере безопасности Центральной Азии связана с важнейшими национальными интересами Пекина. Однако это не значит, что сотрудничество не может выходить за границы этих интересов и развиваться в новых направлениях. По другим вопросам Китай действует в том же русле, что и Россия. Например, предлагает учебные курсы для военнослужащих из стран Центральной Азии: с 2000 г. более 100 000 офицеров из региона прошли обучение на этих программах.

Китай становится заметным игроком в сфере безопасности в Центральной Азии, и многие американские и европейские аналитики полагают, что это знак нарастания конкуренции (в ряде американских аналитических докладов зачас-

¹ Несмотря на начало СВО на Украине в 2022 г., Центральная Азия продолжила оставаться приоритетным направлением продвижения экономических интересов России. Данное обстоятельство определяет продолжение военно-политического присутствия РФ в регионе.

тую используется термин «грядущий раскол») в отношениях Пекина и Москвы. Особенно много подобных обсуждений возникло после новостей о появлении новой «военной базы» КНР в Таджикистане в 2021 г. Однако в обозримом будущем российско-китайский конфликт в регионе представляется маловероятным. Ниже попробуем обосновать наше предположение.

Из всех стран Центральной Азии Таджикистан — единственная, которая по вопросам безопасности одновременно тесно сотрудничает как с Россией и Китаем, так и с другими государствами. Например, поступали сообщения о том, что военно-воздушные силы Индии имеют доступ к таджикистанскому аэропорту Фархор на границе с Афганистаном. В апреле 2021 г. Таджикистан договорился создать совместный комитет по обороне с Ираном, а с США регулярно проводит военные учения. Такой диверсифицированный набор партнеров в области безопасности чрезвычайно важен для политического режима Таджикистана, вооруженные силы которого считаются самыми слабыми в Центральной Азии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно в Таджикистане одновременно присутствуют и Россия, и Китай [«Новая холодная война»...].

Для КНР Таджикистан важен, так как это единственная страна в регионе, которая граничит одновременно и с Афганистаном, и с Китаем. В Таджикистане также сравнительно высоки риски терроризма и религиозного экстремизма, а через таджикско-афганскую границу проходит один из путей наркотрафика в Китай. Примечательно, что все эти проблемы только усугубились с уходом США из Афганистана [Козин, 2022].

Представляется, что говорить о чисто военном присутствии Пекина в регионе не совсем корректно. Формально военного присутствия Китая в Центральной Азии нет. Так, согласно таджикистанским документам, объекты, построенные КНР в Ваханском коридоре — это «полицейские академии» для МВД Таджикистана. Один комплекс зданий уже возведен, а второй будет расположен в районе Ишкашим близ таджикско-афганской границы [Шашок, 2024]. Также важно понимать, что объекты в Таджикистане строит не НОАК, а Народная вооруженная полиция (НВП) — внутренние военизированные формирования (аналог российской Росгвардии), которые в мирное время занимаются охраной правопорядка и обеспечением общественной безопасности [Кашин, 2024].

Китай увеличивает свое глобальное силовое присутствие именно через НВП. Ее полномочия постепенно расширяются и все больше пересекаются с военными. По закону 2015 г. она отвечает за борьбу с терроризмом, а с 2018 г. перестала подчиняться гражданским структурам, перейдя под полный контроль Центрального военного совета (высший орган управления вооруженными силами), который возглавляет председатель КНР Си Цзиньпин. Также по Закону КНР «О сухопутных границах» с 1 января 2022 г. за НВП закрепляются еще и функции пограничной службы. Начиная с 2000-х гг. служащих вооруженной полиции отправляют участвовать в миротворческих миссиях ООН [Зуенко, 2024].

Также вооруженная полиция проводит регулярные учения с зарубежными партнерами. До пандемии COVID-19 вооруженная полиция КНР запустила новый вид учений «Сотрудничество-2019» с силовыми подразделениями стран Центральной Азии.

Перспективы усиления КНР своих позиций в ШОС

Для защиты собственных интересов в Центральной Азии Китай широко использует потенциал ШОС. Анализ результатов саммита ШОС в Астане (Казахстан) 4 июля 2024 г. позволяет утверждать, что дальнейшее укрепление данной международной структуры рассматривается в Китае как одно из важных направлений внешнеполитической деятельности страны. В Пекине полагают, что деятельность ШОС уже завоевала признание в качестве весомого фактора региональной и глобальной политики [Кашкаров, 2024]. Пекин положительно оценивает проделанную организацией работу по обеспечению безопасности, а именно:

- создание Региональной антитеррористической структуры и механизма ежегодных совещаний министров обороны стран — участниц организации;
- утверждение «Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» и фактически полная реализация «Программы сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2015—2018 гг.»;
- утверждение Конвенции ШОС по противодействию экстремизму;
- реализацию соглашения о взаимодействии министерств обороны стран — участниц ШОС и соглашения о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам;
- подписание «Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по борьбе с экстремизмом» и «Антинаркотической стратегии на 2017—2022 гг.»;
- проведение на постоянной основе совместных антитеррористических учений;
- реализацию совместных мер компетентных органов государств — членов ШОС в отношении лиц, возвращающихся на их территории после участия в вооруженных конфликтах на стороне международных террористических, сепаратистских и экстремистских организаций;
- реализацию совместных мер компетентных органов государств — членов ШОС по противодействию кибертерроризму;
- реализацию государствами — членами ШОС совместных мер по противодействию вербовке в террористические, сепаратистские и экстремистские организации;
- формирование экспертной рабочей группы при совещании министров обороны государств — членов ШОС (первое совещание проведено в марте 2018 г. в Москве);
- усиление координации между РАТС и соответствующими структурами ОДКБ и СНГ [Там же, 2024].

Дальнейшее развитие военного сотрудничества в рамках ШОС в Пекине рассматривают с точки зрения повышения роли организации в обеспечении региональной безопасности и стабильности. По оценкам китайских экспертов, общая заинтересованность стран-участниц в совместном противодействии терроризму, экстремизму, сепаратизму, а также незаконному обороту наркотиков и торговле оружием обуславливает дальнейшее укрепление военных связей между ними. Китайское руководство намерено поддерживать данное направление развития ШОС, полагая, что это будет способствовать повышению безопасности северо-западных границ КНР, пресечению экстремистской деятельности национа-

листических группировок в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, а также позволит ограничить наращивание военного присутствия США и их союзников в Центральной Азии.

В ближайшей перспективе первостепенное внимание предполагается уделить проведению многосторонних военных учений антитеррористической направленности и учений с отработкой отдельных элементов спецопераций. Кроме того, китайская сторона предлагает расширить тематику ежегодных совещаний министров обороны и начальников генеральных штабов. В Пекине также считают важным расширить масштабы и тематику совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки. Характерно, что их проведение планируется увязывать с конкретными политическими задачами, стоящими перед Китаем. В частности, руководство КНР придает особое значение российско-китайским учениям «Морское взаимодействие» и компьютерным командно-штабным учениям по противоракетной обороне «Воздушно-космическая безопасность». Их главной целью является, по мнению Пекина, демонстрация региональным соперникам высокого уровня отношений с Российской Федерацией.

В качестве перспективных форм взаимодействия в формате ШОС руководство НОАК рассматривает международные соревнования. Однако в последнее время в ходе их организации отмечаются определенные противоречия с российской стороной. В частности, КНР рассчитывает использовать достижения Министерства обороны РФ в интересах укрепления престижа в первую очередь собственных вооруженных сил. С этой целью командование НОАК намерено увеличить количество конкурсов на территории КНР, а также внести изменения в регламент соревнований с предоставлением права принятия окончательных судебных решений комиссии страны-организатора.

Актуальным направлением укрепления военных связей КНР со странами-участницами ШОС остается объединение усилий в борьбе с международным терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом. По мнению китайского командования, данные усилия оказывают стабилизирующее влияние на региональную обстановку и являются значимыми мероприятиями подготовки вооруженных сил страны к ведению контртеррористических и противодиверсионных действий на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района.

В то же время китайские лидеры не намерены отказываться от ключевого принципа своей внешнеполитической стратегии, заключающегося в позиционировании КНР как независимого центра силы (в перспективе — «сверхдержавы» сопоставимой с США), не связанного ни с кем никакими союзническими обязательствами. Это обуславливает приоритетность достижения Пекином односторонних преимуществ в ходе российско-китайского сотрудничества в рамках ШОС. В частности, Китай не планирует снижать интенсивность усилий, направленных на проникновение и закрепление в зонах традиционных российских интересов (СНГ, Центральная Азия), продвижение собственных, в том числе конъюнктурных подходов к развитию ШОС и БРИКС.

Таким образом, учитывая важность Центральной Азии для обеспечения экономических интересов и национальной безопасности Китая, в Пекине отмечают необходимость поступательной активизации связей со странами региона как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС.

Выводы

По результатам анализа роли Китая в обеспечении безопасности Центральной Азии представляется возможным сделать следующие выводы и обобщения:

1. Китай нацелен на постепенную интеграцию ЦА в сферу своего влияния, делая выбор в пользу кардинального укрепления позиций в экономике государств региона за счет интенсификации проектной деятельности, увеличения объемов инвестиций и кредитов.

2. Китай играет все большую роль в обеспечении безопасности Центральной Азии, поскольку это напрямую выгодно национальным интересам КНР. Перспективы развития китайской инициативы «Пояс и путь» в странах ЦА напрямую зависят от их внутривластной стабильности. Поэтому политическое руководство КНР уделяет пристальное внимание сотрудничеству со странами региона в сфере безопасности.

3. Исследование показало, что на современном этапе неверно определять действия КНР в регионе ЦА как «военное присутствие» или приравнивать расширение китайского силового влияния к американскому или российскому. Понятие «военное присутствие» не отображает сущности происходящих процессов, поскольку не учитывает особенности китайского присутствия в сфере безопасности в Центральной Азии. Основным из них является вовлечение в сотрудничество не вооруженных сил, отвечающих за неприкосновенность и суверенитет территорий государств, а внутренних сил безопасности, ответственных за гарантированное обеспечение общественной безопасности.

4. Тесное партнерство КНР и стран ЦА невозможно представить без спроса на него из самого региона. Данное обстоятельство ставит под сомнение популярные в среде западных международных прогнозы о грядущем столкновении интересов России и Китая в борьбе за Центральную Азию. Странам региона, зажатым в глубине континента без выхода к морю, невыгодно, чтобы один влиятельный сосед вытеснял другого.

5. В существующих условиях России необходимо адаптироваться к наличию мощного конкурента с широкими финансовыми и технико-технологическими возможностями, встраиваясь в транспортно-логистические и экономические проекты и укреплять военно-техническое сотрудничество со странами Центральной Азии.

Библиографический список

«Новая холодная война» в Азии. Глобальное и региональное измерение / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2025. 285 с.

Бордачев Т.В., Тебин П.Ю. Без «тени войны», но в тени ответственности. Россия и Центральная Азия перед общими вызовами безопасности // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3. С. 164—180.

Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ, 2024. 320 с.

Кашкаров А.П. Армии стран мира. М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2024. 288.

Кашин В.Б. Политика КНР в сфере обороны и безопасности // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2023. М.: ИКСА РАН, 2024. С. 51—66.

Козин В.П. Ключевые военные стратегии США: их национальные и глобальные последствия. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2022. 384 с.

Конкуренция между США и КНР: возможности для России / Е.Н. Грачиков, В.А. Данилов, Д.А. Дегтерев [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2024. 300 с.

Румянцев Е.Н. Современная китайская политика: в 2 томах. Внешняя политика. М.: Синосфера, 2024. 617 с.

Стратегический обзор 2024 / под ред. А.Г. Арбатова; ИМЭМО РАН; МГИМО МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2024. 348 с.

Тренин Д.В., Авакянц С.И., Караганов С.А. От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия, 2024. 152 с.

Шашок Л.А. Вызовы и угрозы безопасности государств Центральной Азии после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» // Евразийские исследования. 2024. № 1. С. 44—56. DOI 10.24412/cl-37229-2024-1-43-56. EDN HOZKCY.

References

Bordachev T.V., Tebin P.Yu. Without the “shadow of war”, but in the shadow of responsibility. Russia and Central Asia facing common security challenges // Russia in global politics. 2025. Vol. 23. No. 3. Pp. 164—180. (In Russian)

Competition between the United States and China: Opportunities for Russia / E.N. Grachikov, V.A. Danilov, D.A. Degterev [et al.]. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2024. 300 p. (In Russian)

Kashkarov A.P. Armies of the countries of the world. M.: SOLON-PRESS, 2024. 288.

Kashin V.B. China's defense and security policy / V. B. Kashin // People's Republic of China: politics, economics, culture. 2023. Moscow : Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, 2024. P. 51—66. (In Russian)

Kozin V.P. Key US Military Strategies: Their National and Global Consequences. / V.P. Kozin. — Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2022. 384 p. (In Russian)

“New Cold War” in Asia. Global and Regional Dimension / Ed. by D. V. Streletsov. — M.: Aspect Press Publishing House, 2025. 285 p. (In Russian)

Rumyantsev E.N. Modern Chinese Policy: in 2 volumes / E.N. Rumyantsev. Foreign Policy. Moscow : Sinosphere, 2024. 617 p. (In Russian)

Shashok, L.A. Challenges and threats to the security of Central Asian states after the Taliban movement came to power in Afghanistan / L.A. Shashok // Eurasian studies. 2024. No. 1. P. 44—56. DOI 10.24412/cl-37229-2024-1-43-56. EDN HOZKCY.

Strategic Review 2024 / edited by A.G. Arbatov; IMEMO RAS; MGIMO MFA of Russia. Moscow: MGIMO-University, 2024. 348 p. (In Russian)

The CIA World Factbook 2024—2025. Skyhorse Publishing. p. 3026.

The Chinese Peoples Liberation Army in 2025 / Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2015. 267 p.

Trenin D.V., Avakyants S.I., Karaganov S.A. From Deterrence to Intimidation / D.V. Trenin, S.I. Avakyants, S.A. Karaganov. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2024. 152 p. (In Russian)

Zuenko I.Yu. China in the era of Xi Jinping / I.Yu. Zuenko. Moscow: AST Publishing House, 2024. 320 p. (In Russian)

А.И. Сабанцев, Н.Ю. Сенюк

Детерминанты и мотивация китайских ПИИ в странах Центральной Азии в контексте реализации инициативы ЭПШП

Аннотация. Геоэкономическая и геополитическая экспансия Китая, одним из инструментов которой выступает инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), охватывает целый ряд стран и регионов, среди которых особую роль играет Центральная Азия. Регион является важным транзитным сухопутным коридором из Китая в западную часть Евразии и рынком сбыта китайских товаров. Данные условия с учетом расширения локальных рынков и высокой роли ресурсного сектора в экономиках региона выступают потенциально привлекательными факторами притока китайских ПИИ. Благоприятную почву для этого также формирует включение стран Центральной Азии в инициативу ЭПШП. В ходе данного исследования на основе регрессионного анализа была оценена зависимость потоков китайских ПИИ в страны Центральной Азии от параметров экономик стран, связанных с мотивациями поиска рынков, ресурсов и эффективности, а также от ряда институциональных параметров и факта действия инициативы ЭПШП. В результате было выявлено, что преобладающим фактором, обеспечивающим приток ПИИ в страны Центральной Азии, выступает мотивация поиска рынков. При этом на основе анализа статистических данных аллокации китайских ПИИ в Центральной Азии мы продемонстрировали, что ЭПШП оказала влияние на изменение структуры инвестиций: в частности, при снижении потоков в энергетику выросли потоки в транспортный сектор, что отразило интерес Китая к использованию региона в рамках своих трансрегиональных транспортно-логистических цепочек. Данный аспект указывает на важность дальнейшего рассмотрения не только функционального уровня, но и структурно-геоэкономического уровня инвестиционной деятельности Китая за рубежом.

Ключевые слова: Китайские ПИИ, Центральная Азия, Экономический пояс Шелкового пути, поиск рынков, геоэкономическая экспансия, транспортная инфраструктура, энергетический сектор, детерминанты ПИИ.

Авторы: Сабанцев Александр Игоревич, стажер-исследователь Института мировой военной экономики и стратегии, Факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0009-0009-9619-4113. E-mail: asabantsev@hse.ru
Сенюк Нинель Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент Факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0000-0002-7425-9029. E-mail: nseniuk@hse.ru

Alexander I. Sabantsev, Ninel Yu. Seniuk

Determinants and Motivation of Chinese FDI in Central Asian Countries in the Context of the Belt and Road Initiative Implementation

Abstract. The expansion of China's geo-economic and geopolitical influence with the Belt and Road Initiative (BRI) as one of its key instruments encompasses a wide range of countries and regions, with Central Asia playing a special role as a critical overland transit corridor linking China with Western Eurasia and serving as a market for Chinese goods. These conditions, coupled with the expansion of local markets and the significant role of the resource sector in the region's economies, present potentially attractive factors for the inflow of Chinese foreign direct investments (FDI). This attractiveness is further supported by the inclusion of Central Asian countries in the BRI framework. This study uses regression analysis to assess the dependence of Chinese FDI flows to Central Asian countries on various economic parameters related to the motivations of market seeking, resource seeking, and efficiency seeking, as well as on institutional factors and the operational status of the BRI. The results indicate that market-seeking motivation is the prevailing factor driving Chinese FDI inflows to Central Asian countries. Furthermore, based on statistical data analysis of Chinese FDI allocation in the region, the study demonstrates that the BRI has influenced the structural shift of investments. Specifically, while investment flows in the energy sector have declined, there has been a significant increase in the transport sector, reflecting China's interest in utilizing the region as part of its trans-regional transport and logistics chains. This aspect highlights the need for further exploration of not only the functional level but also the structural geo-economic level of China's overseas investment activities.

Keywords: Chinese FDI, Central Asia, Belt and Road Initiative, market seeking, geo-economic expansion, transport infrastructure, energy sector, FDI determinants.

Authors: Sabantsev, Alexander I., Research Intern, Institute for World Military Economy and Strategy, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0009-0009-9619-4113. E-mail: asabantsev@hse.ru

Seniuk, Ninel Yu., PhD in Economics, Associate Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0000-0002-7425-9029. E-mail: nseniuk@hse.ru

Введение

Сегодня сотрудничество Китая со странами Центральной Азии носит многоплановый характер. С момента запуска проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) наблюдается постепенный рост двусторонней торговли между Китаем и Центральной Азией, что отражает заинтересованность обеих сторон в развитии экономического сотрудничества в разных направлениях, в том числе в секторе энергетики, добычи полезных ископаемых и транспортной сфере [Луконин, 2015]. Поддерживая безопасность в регионе и борясь с «тремя силами зла» (терроризм, сепаратизм и экстремизм), Китай активно участвует в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), членами которой являются страны Центральной Азии. Кроме того, Китай в последнее время активизировал

политику мягкой силы, например, продвигая институты Конфуция по всему миру, организовывая культурные обмены, предоставляя иностранным студентам гранты на обучение в Китае и т. д. [Андреев, 2019]. Данная политика затрагивает в том числе и страны Центральной Азии, которые начинают сталкиваться с расширением китайского культурного влияния. Причем особая роль в ней отводится экономическим инструментам. Инвестиции в инфраструктуру, промышленность и социальные инициативы позволяют укреплять положительный образ Китая за счет фактора поддержки развития стран-реципиентов [Цыпляев, 2020].

Одной из основных составляющих правительственного курса КНР является заинтересованность в поддержке зарубежного спроса на китайские товары посредством масштабных инвестиций в инфраструктуру, что отражается в развитии ЭПШП, а также накладывается на образ «китайской мечты». Геоцивилизационным амбициям Китая в Евразии способствуют некоторые ретроспективные аспекты, например, сопоставление развития ЭПШП с возрождением древнего Шелкового пути. Консервативная и, как правило, регионально-ориентированная политика, проводимая правительствами центральноазиатских государств, по сути, аккуратно укладывается официальными представителями Китая и китайскими государственными СМИ в «ячейки» охватывающей их китайской «цивилизационно-культурной матрицы» в контексте общего исторического прошлого Великого Шелкового пути и будущего «Сообщества единой судьбы». Данная идея согласуется с концепцией «китайской мечты», предложенной Си Цзиньпином еще в 2014 г. Основной составляющей концепции является устремление китайского руководства к возрождению китайской нации и продвижению КНР в качестве мирового лидера [Цыпляев, 2020]. Причем именно в это время и запускается ЭПШП как инструмент расширения геоэкономического влияния Китая, в особенности в пограничных странах, среди которых страны Центральной Азии выступают одним из плацдармов для выстраивания единой логистической инфраструктуры в Евразии.

С учетом значения региона Центральной Азии для реализации китайских ПИИ за рубежом в рамках ЭПШП актуальным остаются вопросы значимых факторов, определяющих динамику данных инвестиций, что имеет значение и для таких региональных игроков, как Россия, которая заинтересована в странах Центральной Азии как сфере своего политико-экономического влияния.

Обзор литературы

Интенсификация инвестиционной активности КНР в странах Центральной Азии является важной составляющей экономической экспансии в регионе [Моргулис, 2020]. Поэтому инвестиционная деятельность Китая в Центральной Азии достаточно активно рассматривается в научной литературе как одна из центральных политико-экономических тем двустороннего сотрудничества. В том числе инвестиционное сотрудничество рассматривается в контексте реализации инициативы ЭПШП.

В этом случае китайские политики рассматривают реализацию ЭПШП в Центральной Азии как драйвер создания новых рынков для стимулирования

торговли [Joches, Kuzy, 2018; Chauhan, 2019] и развития инфраструктуры в рамках мотивации поиска рынков [Lain, 2018]. В работе исследователя Laquell была показана роль политики «выхода за рубеж» как фактора запуска ЭПШП, содействующего китайским ПИИ в Центральной Азии [Laruelle, 2018]. В работе китайских исследователей Wang и Li отмечается значение Центральной Азии как одного из основных регионов в рамках реализации инициативы ЭПШП, которая при этом поддерживает благоприятную среду и безопасность иностранных инвестиций Китая [Wang, Li, 2019]. Как показывает отечественный исследователь, Центральная Азия представляет интерес для Китая в качестве стратегически важного транзитного региона, который, в частности, играет большую роль для стыковки наземной и морской части ЭПШП [Сизов, 2021].

В литературе отмечается интерес КНР к стратегически важным отраслям, что определяет движение ПИИ в такие сектора, как транспорт [Dadabaev, 2018; Jaborov, 2018; Игитян, 2019] и энергетика [Mardall, 2020; Zaretskaya, Aloulou, 2022; Pradhan, Mohanty, 2021]. Секторальная специфика аллокации китайских ПИИ в регионе анализируется и в китайской литературе. В частности, Yang, He и Liu отмечают стратегически взаимодополняющий характер сотрудничества сторон на примере энергетике [Yang, He, Liu, 2018]. В то же время в некоторых направлениях Центральная Азия больше зависит от Китая, что авторы показывают на примере экспорта казахстанской нефти, который продемонстрировал спад в 2014—2016 гг. — неоднозначная политическая и институциональная среда может оказать негативное влияние на инвестпроекты.

Одновременно отмечается неоднородный характер инвестиционного сотрудничества Китая и стран Центральной Азии, демонстрирующий, что ключевую выгоду от совместных проектов со странами Центральной Азии получают китайские компании [Ghossein, Hoekman, Shingal, 2018]. Несмотря на то, что Центральная Азия может предложить китайским компаниям возможность использования конкурентных преимуществ в стоимости рабочей силы [Joches, Kuzy, 2018; van der Kleij, 2020], они предпочитают использовать трудовые ресурсы китайских сотрудников [Kitade, 2019], что показывает потенциально низкую роль мотивации поиска эффективности среди китайских инвесторов в Центральной Азии. Более того, в целом говоря о распределении бизнес-ролей и соответствующих предпочтениях в ходе реализации ЭПШП, следует учитывать, что 60 % проектов в рамках инициативы распределяются среди китайских компаний [Ghossein, Hoekman, Shingal, 2018].

Выделение финансирования реципиентам в Центральной Азии часто сопровождается такими условиями, как использование китайских материалов и оборудования. При этом Правительство КНР в ходе инвестиционного сотрудничества уделяет внимание сопряжению местных программ развития с инициативной ЭПШП [Моргулис, 2020].

В то же время некоторые авторы при анализе ПИИ Китая за рубежом смотрят на инвестиционную динамику не только с точки зрения функциональной составляющей, ориентированной на объяснение корпоративных мотивов и связанных с ними детерминант относительно стран-реципиентов. В частности, исследователь Сенюк в своих работах рассматривает опыт изучения ПИИ Китая

сквозь призму многослойной рамки глобальной политэкономии (ГПЭ), объединяющей функциональный, структурно-геоэкономический и геочивилизационный уровни [Сенюк, 2024]. В отличие от функционального уровня структурно-геоэкономический слой позволяет выйти на рассмотрение Центральной Азии как стратегически важного транзитного хаба для китайских товаров, что существенно расширяет картину анализа. Еще более широкий уровень анализа — геочивилизационный уровень — позволяет взглянуть на ПИИ как составляющую реализации концепции «Сообщества единой судьбы», отражающей продвижение культурного и экономического влияния Китая в современном мире. В данном исследовании мы сосредоточимся лишь на первом — функциональном уровне, но также затронем структурно-геоэкономический уровень для более полного описания проблематики темы.

Таким образом, обзор литературы указывает на возможное значимое влияние ЭПШП на динамику китайских ПИИ в странах Центральной Азии. При этом интерес представляет проверка отмеченной в литературе мотивации поиска рынков, возможная роль ресурсного фактора как значимого фактора, влияющего на аллокацию китайских ПИИ, а также оценка мотивации поиска эффективности, которая с учетом проведенных ранее исследований, вероятнее всего, не оказывает значимого влияния на потоки китайских ПИИ в регионе.

Цель, методология и источники

Целью данного исследования является выявление значимых мотиваций и детерминант китайских ПИИ в странах Центральной Азии в контексте потенциального влияния на аллокацию китайских инвестиций запуска инициативы ЭПШП.

В основе данного исследования лежит методология ЮНКТАД, которая описывает мотивы и детерминанты ПИИ [World Investment Report, 2006] на основе OLI-парадигмы Дж. Даннинга. Экономические детерминанты отражают параметры экономики-реципиента, соответствующие основным корпоративным мотивам поиска рынков, ресурсов и эффективности, в то же время выделяются политические детерминанты и детерминанты деловой среды, отражающие преимущественно институциональные условия аллокации ПИИ. Основными методами исследования выступают регрессионный анализ панельных данных, анализ статистических трендов.

В ходе исследования были использованы данные по потокам прямых иностранных инвестиций Китая из базы статистических данных Министерства коммерции Китая, которые отражены в ежегодных отчетах данного ведомства.

Отдельного внимания заслуживает проблематика доступности детальных данных по параметрам аллокации китайских ПИИ в странах Центральной Азии. На текущий момент данные о секторальной аллокации отсутствуют для Туркменистана, который ограниченно раскрывает национальную статистику. Ограничены данные по секторальной аллокации китайских ПИИ и по таким странам, как Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан [Додонов, 2020]. В то же время нам

доступны данные, раскрываемые Национальным Банком Казахстана в разделе по международной инвестиционной позиции. С учетом значения Казахстана как крупнейшего реципиента китайских ПИИ в регионе использование детализированной статистики по данной стране позволяет уточнить специфику их секторальной аллокации. Кроме того, для рассмотрения секторальной специфики аллокации китайских ПИИ в странах Центральной Азии были использованы данные статистической базы China Global Investment Tracker, которая регулярно обновляется American Enterprise Institute (AEI) и предлагает в открытом доступе перечень наиболее крупных транзакций китайских инвесторов за рубежом.

Данные по переменным, используемым для построения эконометрической модели, брались из баз Всемирного банка, Trademap и ЮНКТАД.

Построение и оценивание эконометрической модели

Для построения эконометрической модели был выбран набор переменных, которые отражают экономические детерминанты и связанные с ними корпоративные мотивы поиска рынков (ВВП, экспорт), ресурсов (доля природной ренты в ВВП) и эффективности (дифференциал подушевого ВВП). Кроме того, мы включили в модель контрольные переменные, отвечающие за политические детерминанты и детерминанты бизнес-среды (институциональные переменные) — индекс политической стабильности, индекс контроля за коррупцией, открытость

Таблица 1. Переменные в модели

Переменная	Обозначение в модели	Теоретическое обоснование	Единицы измерения	Источник
Логарифм потоков входящих китайских ПИИ в стране	I_FDI	Объясняемая переменная	Млн долл.	MOFCOM
Логарифм реального ВВП	I_GDP	Поиск рынков	Млн долл.	World Bank
Логарифм экспорта Китая в страну	I_EXPORT	Поиск рынков	Млн долл.	Trademap
Доля ренты от природных ресурсов в ВВП	RENT	Поиск ресурсов	%	World Bank
Отношение ВВП на душу населения в стране-реципиенте к ВВП на душу населения в Китае	DIFrec	Поиск эффективности	%	World Bank
Открытость экономики к ПИИ (отношение ПИИ к ВВП)	FDIGDP	Институциональные условия	%	UNCTAD
Индекс политической стабильности	POLIT	Институциональные условия	Индекс от -2,5 до 2,5	World Bank
Индекс контроля над коррупцией	CORRUPT	Институциональные условия	Индекс от -2,5 до 2,5	World Bank
Индекс политической стабильности	OBOR	Статус действия проекта ЭПШП	0 для периода до 2013 г., 1 для периода с 2013 г.	World Bank

Источник: составлено авторами.

	<i>Коэффициент</i>	<i>Ст. ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>p-значение</i>	
const	-31,9049	11,7704	-2,711	0,0087	***
l_GDP	3,18995	1,33490	2,390	0,0200	**
l_EXPORT	0,627268	0,296167	2,118	0,0383	**
RENT	-0,00625358	0,0257266	-0,2431	0,8088	
DIFrec	-0,0172599	0,0123476	-1,398	0,1673	
FDIGDP	-0,00146702	0,0167800	-0,08743	0,9306	
POLIT	0,411210	0,543038	0,7572	0,4519	
CORRUPT	-0,627195	1,20601	-0,5201	0,6049	
OBOR	-0,426987	0,677503	-0,6302	0,5309	
Среднее завис. перемен	3,997747		Ст. откл. завис. перемен	2,043410	
Сумма кв. остатков	85,18376		Ст. ошибка модели	1,191524	
LSDV R-квадрат	0,716656		В пределах R-квадрат	0,669113	
LSDV-оценка: F(12, 60)	12,64642		P-значение (F)	2,43e-12	

Рис. 1. Результаты оценивания модели. *Источник:* составлено авторами.

к ПИИ. Чтобы оценить возможное влияние ЭПШП на динамику потоков китайских ПИИ в страны Центральной Азии была добавлена дамми-переменная OBOR на константу в модели. Чтобы снизить размерность и сгладить различия в разбросе значений были логарифмированы объясняемая переменная (потоки входящих ПИИ), ВВП и экспорт Китая в страны Центральной Азии.

Предварительная проверка корреляции (см. Приложение 1) переменных указывает на наличие высокой корреляции между переменными l_GDP и DIFrec, DIFrec и POLIT. В то же время корреляции между ними ниже критического значения 0,8, что снижает риски коллинеарности регрессоров в модели.

В ходе тестирования указанной спецификации была построена модель с фиксированным эффектом и модель объединенной регрессии. На основе результатов F-теста (тест на различие констант в группах) мы отдаем предпочтение первой модели, результаты оценивания которой представлены ниже. Полученная модель является значимой на 1 %, а также обладает высокой объясняющей силой — скорректированный R-квадрат составляет 0,67. Результаты дополнительных тестов на диагностику модели (см. Приложение 2) с учетом рубежного значения 5 % указывают на робастность полученных оценок.

В результате оценивания модели можно отметить, что гипотеза о значимости мотивации поиска рынков не отвергается (переменные l_GDP и l_EXPORT значимы на 5 %). В то же время можно сделать вывод, что две другие корпоративные мотивации поиска ресурсов и эффективности не оказывают существенного влияния на китайские ПИИ в регионе, что также касается и институциональных переменных. При этом фактор ЭПШП также не оказывает статистически значимого влияния на приток китайских ПИИ в страны Центральной Азии.

Анализ и обсуждение полученных результатов

Обращаясь к данным по динамике потоков китайских ПИИ в странах Центральной Азии, мы видим неоднозначную динамику в разрезе периода до и после старта реализации инициативы ЭПШП. До 2013 г. можно пронаблюдать постепенное нарастание входящих ПИИ с пиком в 2012 г., после 2013 г. динамика но-

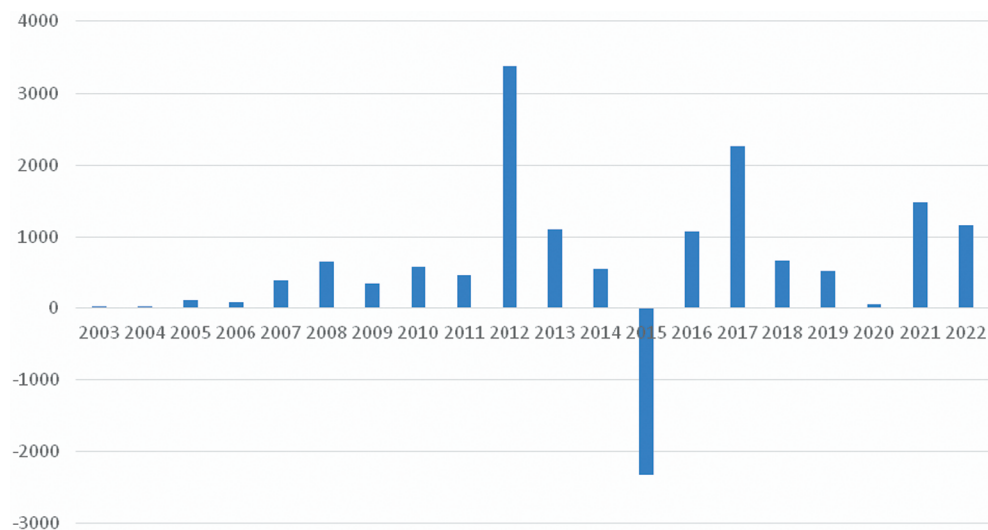

Рис. 2. Сумма потоков китайских ПИИ в страны Центральной Азии в 2003—2022 гг. (млн долл.) *Источник:* Министерство коммерции Китая.

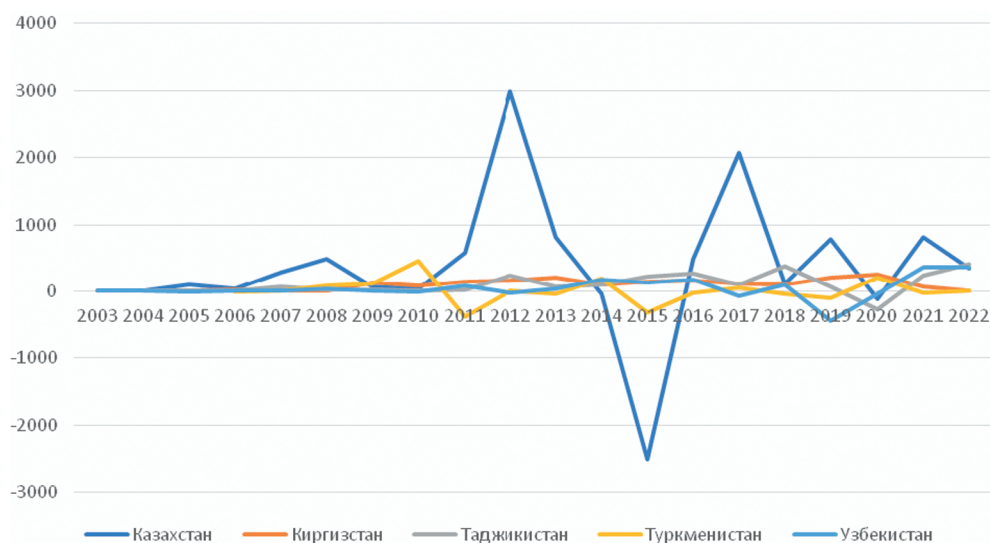

Рис. 3. Потоки китайских ПИИ в разрезе отдельных стран Центральной Азии в 2003—2022 гг. (млн долл.). *Источник:* Министерство коммерции Китая.

сит более неоднозначный характер. Причем углубляясь в динамику потоков ПИИ Китая в разрезе каждой страны по-отдельности, можно сделать вывод, что существенные колебания совокупного потока определялись преимущественно инвестиционными потоками в Казахстан. При этом, несмотря на усиление амплитуды колебаний потоков в ПИИ в другие страны Центральной Азии в 2010-е гг., мы не можем пронаблюдать определенного положительного тренда после старта инициативы ЭПШП.

Тем не менее, нельзя утверждать, что запуск данной инициативы не оказал существенного влияния на инвестиционную динамику. Для лучшего понимания данного вопроса стоит более детально рассмотреть изменения в секторальной направленности аллокации потоков ПИИ.

Чтобы произвести анализ секторальной аллокации ПИИ Китая в странах Центральной Азии обратимся к данным China Global Investment Tracker, который отражает выборку публичных трансакций по крупнейшим инвестиционным сделкам китайских компаний за рубежом.

Несмотря на то, что по данным China Global Investment Tracker направление инвестиций в энергетику является наиболее крупной статьей вложений китайских инвесторов в страны Центральной Азии, мы видим тенденцию сокращения потоков инвестиций в энергетический сектор, в то время как растут инвестиции в другие сектора, до ЭПШП менее популярные среди китайских инвесторов. В частности, мы видим, что вторым по размеру направлением с существенным приростом на 426 % являются инвестиции в транспорт — одну из центральных составляющих реализации проекта ЭПШП, который обеспечивает развитие инфраструктуры для повышения конкурентоспособности китайского экспорта.

Таблица 2. Соотношение сумм потоков китайских ПИИ в страны Центральной Азии в разбивке по секторам до и после 2013 г.

Сектор	До 2013 г.	После 2013 г.	Прирост
Энергетика	31 890	20 680	–35 %
Транспорт	1170	6150	426 %
Химическая промышленность	1260	5420	330 %
Металлургия	860	3540	312 %
Недвижимость	470	2890	515 %
Сельское хозяйство	110	1200	991 %

Источник: China Global Investment Tracker.

Кроме того, по данным China Global Investment Tracker, основная часть инвестиционных потоков в энергетическую отрасль приходится еще на период до 2013—2014 гг., в то время как с 2015 г. наблюдается существенный спад до 2021 г. При этом существенная часть потоков китайских ПИИ в транспорт приходится на период после старта инициативы ЭПШП.

Рассмотрение указанных особенностей можно углубить на примере статистики Национального Банка Казахстана, отражающей международную инвести-

ционную позицию страны. Двумя крупнейшими позициями инвестиций Китая в Казахстан выступают такие категории, как «транспорт и складирование», а также «горнодобывающая промышленность и разработка карьеров», которая отражает инвестиции в ресурсный и энергетический сектор страны. Обратившись к изме-

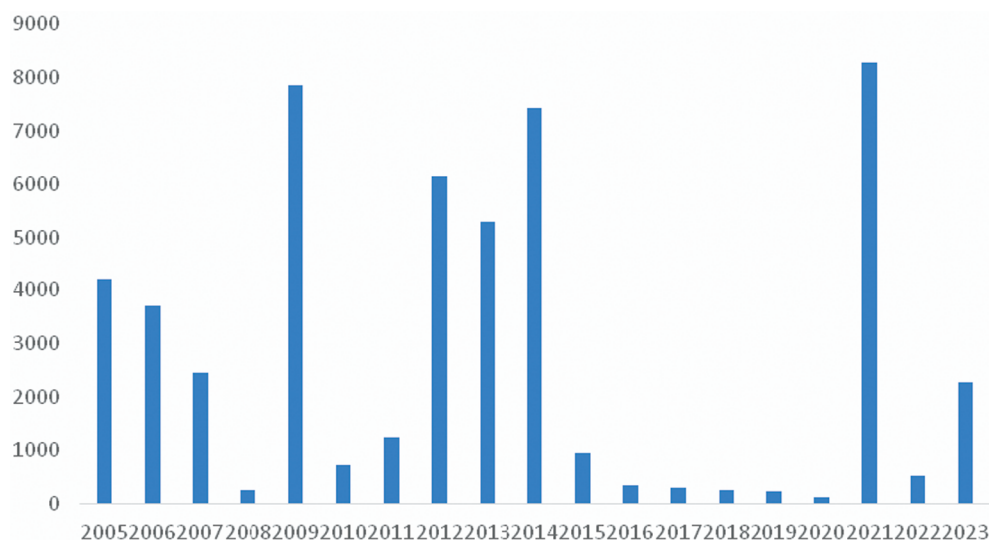

Рис. 4. Потоки ПИИ Китая в энергетический сектор в странах Центральной Азии (млн долл.). *Источник:* China Global Investment Tracker.

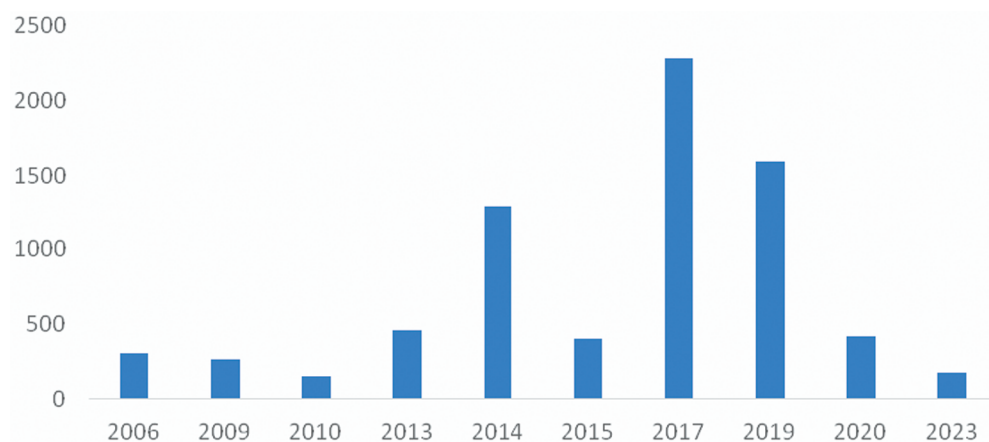

Рис. 5. Потоки ПИИ Китая в транспортный сектор в странах Центральной Азии (млн долл.). *Источник:* China Global Investment Tracker.

нению доли китайских ПИИ в Казахстане в указанных сферах, можно сделать вывод, что китайские инвесторы постепенно расширяли присутствие в транспортном секторе страны, который, несмотря на сокращение доли входящих

Рис. 6. Доля ПИИ Китая в разбивке по секторам: транспорт и складирование, горнодобывающая промышленность и разработка карьеров — от общих ПИИ Китая в Казахстане (рассчитанных по методу активов/обязательств). *Источник:* Национальный Банк Республики Казахстан.

ПИИ, в последние годы составляет 40—45 %. В то же время в общей структуре распределения ПИИ доля сырьевого сектора постепенно уменьшалась, сократившись до 19,56 % к концу 2022 г.

В этой связи также не стоит преувеличивать роль стран Центральной Азии в ресурсном экспорте в Китай. Обращаясь к данным по структуре импорта Китаем сырьевых ресурсов по кодам ТН ВЭД 26 (руды) и 27 (энергетическое сырье), можно сделать вывод, что страны Центральной Азии занимают крайне ограниченную долю, существенно уступая лидерам. Для кода 26 (см. Приложение 3) наибольшая доля относится к Казахстану — 1,71 %, для кода 27 (см. Приложение 4) — к Туркменистану — 1,87 %.

Динамика торгового оборота между Китаем и странами Центральной Азии демонстрировала поступательный рост с начала XXI века, причем экспорт Китая в основном превышал импорт из Центральной Азии. С 2015 г. мы видим возобновление растущего тренда динамики китайского экспорта в страны Центральной Азии, который носит более устойчивый характер по сравнению с импортом, показав при этом превышение прежнего пикового уровня 2014 г. еще в 2019 г. Данному процессу определенно способствовала реализация инициативы ЭПШП, которая позволила Китаю углубить торговое сотрудничество со странами Центральной Азии на высшем уровне, а также углубить транспортно-логистические связи и каналы сбыта в регионе.

В то же время, делая вывод о важности инвестиций в транспортную инфраструктуру в Центральной Азии как фактора, поддерживающего мотивацию по-

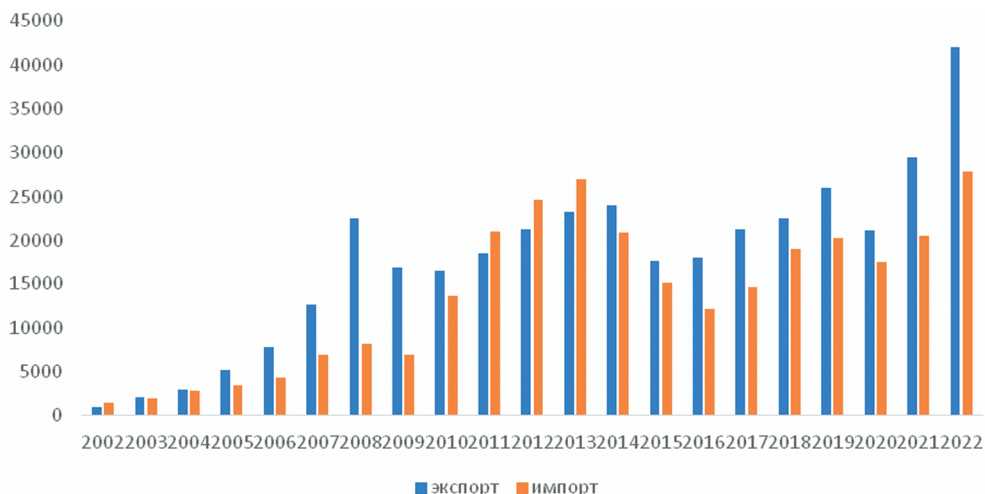

Рис. 7. Динамика экспорта Китая в страны Центральной Азии и импорта Китая из стран Центральной Азии (млн долл.). *Источник:* Trademap.

иска рынков на макрорегиональном уровне, не стоит упускать из внимания транзитную роль Центральной Азии в реализации ЭПШП. Долгосрочной целью проекта является создание устойчивой транспортно-логистической цепочки в рамках всего Евразийского континента. Основные транспортные проекты в регионе являются частью более крупных маршрутов, среди которых особое место занимают транзитный путь «Западный Китай—Западная Европа» (Приложение 5) и транспортный коридор «Китай—Центральная Азия—Иран—Турция—Европа» (Приложение 6). При этом, как можно заметить, транспортно-логистические пути через Центральную Азию носят диверсифицированный характер, позволяя минимизировать долгосрочные логистические риски. В частности, продолжается работа над железнодорожной линией «Китай—Киргизия—Узбекистан» (Приложение 7), которая является ответвлением ЭПШП и представляет собой наиболее короткий путь до логистических хабов стран Персидского залива [Сизов, 2021].

Соответственно, мотивация поиска рынков, на поддержку которой направлены ПИИ Китая в регионе, носит как макрорегиональный характер укрепления позиций китайских компаний на местных рынках, так и геоэкономический характер, предполагающий использование транзитных маршрутов Центральной Азии для обеспечения устойчивой цепочки поставок из Китая в Европу и на Ближний Восток.

Выводы

Таким образом, экономические детерминанты в разрезе мотивации поиска рынков являются ключевыми факторами, оказывающими влияние на потоки ПИИ Китая в страны Центральной Азии. В то же время не было обнаружено

значимого статистического влияния мотивации поиска эффективности, что отражают предыдущие исследования, а также мотивации поиска ресурсов, что, вероятнее всего, связано с ограниченной ролью импорта из Центральной Азии в общей структуре ресурсного импорта Китая. Запуск ЭПШП также не оказал статистически значимого влияния на потоки ПИИ Китая. Однако влияние инициативы проявилось в изменении структуры инвестиционных потоков. В частности, увеличилась динамика вложений в транспортный сектор стран Центральной Азии, играющий важную роль в поддержке китайского экспорта в регионе, так и в рамках долгосрочной стратегии формирования устойчивых транспортно-логистических путей в Евразии, направленных на поддержку экспорта из Китая в западную часть Евразийского континента. В этой связи перспективным направлением дальнейших исследований выступает анализ китайских ПИИ на структурно-геоэкономическом уровне, который расширяет наше понимание картины за счет изучения влияния драйверов, в частности, push-факторов (выталкивающих факторов), связанных с вопросами реализации внешнеэкономической политики КНР.

С учетом сравнительно высоких темпов экономического роста в странах Центральной Азии, роста местных рынков и тенденции расширения китайского экспорта можно сделать предположение о дальнейшем росте инвестиционного присутствия Китая в регионе, которое будет направлено на обеспечение углубления позиций китайского бизнеса на местных рынках с целью более эффективного сбыта китайской продукции. Данный тренд вкупе с расширением политического сотрудничества КНР со странами Центральной Азии в рамках новых форматов, таких как «Китай + 5 стран Центральной Азии» («С+С5»), создает дополнительные вызовы для России, которая в условиях проведения СВО ограничена в экономических средствах влияния на страны Центральной Азии, что может изменить баланс сил в регионе в сторону усиления политического влияния КНР.

Библиографический список

Андреев И.А. «Мягкая сила» Китая и ее проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 2. С. 90—106. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/578> (дата обращения: 05.11.2024).

Додонов В.Ю. Динамика инвестиций КНР в страны Центральной Азии: контекст, тенденции, особенности // Дуйсена Г.М. Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/64676857/Китай_и_ЦА-libre.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. 2019. № 3. С. 250—259. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-vneshnyaya-politika-v-tsentralnoy-azii-i-interesy-rossii> (дата обращения: 05.11.2024).

Луконин С. Инвестиции Китая в Центральной Азии (ТЭК, ресурсы, транспорт) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 11 (281). С. 83—95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-kitaya-v-tsentralnoy-azii-tek-resursy-transport/viewer> (дата обращения: 01.12.2024).

Международная инвестиционная позиция Казахстана. Национальный банк Республики Казахстан. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/mezhdunarodnaya-investicionnaya-poziciya> (дата обращения: 01.12.2024). Данные за 2016—2022 годы.

Моргулис С. Сложный инвестор. Во что вкладывает деньги Китайская Народная Республика в странах бывшего СССР [Электронный ресурс] // СОНАР-2050. Июль 2020. URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/Доклады/Маргулис/kitayskiye%20investitsii.pdf> (дата обращения: 01.12.2024).

Сенюк Н. Ю. Прямые иностранные инвестиции Китая в страны БРИКС сквозь призму глобальной политэкономии // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 1 (121). С. 263—288.

Сизов Г. А. Китайская инициатива «Пояс и путь» в Центральной Азии: успехи, проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 146—168. DOI 10.52311/2079-3359_2021_2_146.

Чжунхуа жэньминь гунхэго шанбу 中华人民共和国商务部 [Министерство коммерции Китайской Народной Республики]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn> (дата обращения: 05.11.2024).

Chauhan P. Energy Dimension of the Belt and Road Initiative: Implications for India's Energy Security // Indian Journal of Asian Affairs. 2019. Vol. 32. N 1/2. pp. 119—152. URL: <https://www.jstor.org/stable/26902688>, accessed 05.11.2024.

China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker> (accessed: 05.11.2024).

Dadabaev T. The Chinese Economic Pivot in Central Asia and Its Implications for the Post-Karimov Re-emergence of Uzbekistan // Asian Survey — 2018. Vol. 58. N. 4. pp. 747—769. DOI: 10.1525/as.2018.58.4.747.

Dave B. Silk Road Economic Belt: Effects of China's Soft Power Diplomacy in Kazakhstan. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program. 2018. URL: <https://eprints.soas.ac.uk/25966/1/dave-silk-road-economic-belt-effects-chinas-soft-power-diplomacy-kazakhstan.pdf> (accessed: 05.11.2024).

Ghossein T., Hoekman B., Shingal A. Public Procurement in the Belt and Road Initiative. World Bank: MTI Discussion Paper. 2018. N. 10. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31069> (accessed: 05.11.2024).

Jaborov S. Chinese Loans in Central Asia: Development Assistance or 'Predatory Lending'? China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed: 05.11.2024).

Jochev M., Kyzy J. China's BRI Investments, Risks, and Opportunities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed: 05.11.2024).

Kitade D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional Cooperation // Mitsui & Co: Global Strategic Studies Institute Monthly Report. 2019. pp. 1—7. URL: https://www.mitsui.com/mgssi/en/report/detail/__icsFiles/afieldfile/2019/08/27/1908e_kitade_e_1.pdf (accessed: 05.11.2024).

Lain S. The potential and pitfalls of connectivity along the Silk Road Economic Belt. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed: 05.11.2024).

Laruelle M. Introduction. China's Belt and Road Initiative. Quo Vadis. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed: 05.11.2024).

Pradhan R., Mohanty S. Chinese grand strategies in Central Asia: The role of Shanghai cooperation organization and belt and road initiative // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14. N. 2. Pp. 197—223. DOI: 10.1007/s40647-021-00318-6.

Trademap. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed: 05.11.2024).

Van der Kley D., Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize. Carnegie Endowment for International Peace, October 2021. URL: https://carnegieendowment.org/files/VanderKley_Yau_China_Central_Asia_REVISED_v2.pdf (accessed: 05.11.2024).

Wang J., Kong D. (2019) Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2019. Vol. 5. N. 1. Pp. 65—79. DOI: 10.1142/S2377740019500027.

World Development Indicators // World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 05.11.2024).

World Investment Report 2006 // United Nations Conference on Trade and Development. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2006> (accessed: 05.11.2024).

Yang Yu, He Ze, Liu Yi. Global Energy Cooperation Between China and Central Asia: Current Situation, Risks, and Countermeasures[J]. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences*, 2018, 33(6): 575—584复制制到剪切板

Zaretskaya V., Aloulou F. As of 2021, China imports more liquefied natural gas than any other country // U.S. Energy Information Administration, May 2, 2022. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=52258> (accessed: 05.11.2024).

王林彬, 李超光. 双边投资条约视阈下中国与中亚投资法律机制之完善 // *Journal of Xinjiang University (Philosophy, Humanities & Social Science)*. 2019. Т. 47. № . 4. http://old2022.bulletin.cas.cn/publish_article/2018/6/20180605.htm (accessed: 05.11.2024).

References

Andreev I.A. “Soft Power” of China and Its Projection on the Post-Soviet Eurasian Space // *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. pp. 90—106. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/578> (accessed: 05.11.2024).

Dodonov V.Yu. Dynamics of China’s Investments in Central Asian Countries: Context, Trends, Features // *Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleimenov, Kazakhstan*. 2020. URL: https://d1wqtxtslxle7.cloudfront.net/64676857/Китай_и_ЦА-libre.pdf (accessed: 01.12.2024).

Igitian M.Yu. China’s Foreign Policy in Central Asia and Russia’s Interests // *Vlast’*. 2019. No. 3. pp. 250—259. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-vneshnyaya-politika-v-tsentralnoy-azii-i-interesy-rossii> (accessed: 05.11.2024).

Lukonin S. Investments of China in Central Asia (Energy Sector, Resources, Transport) // *Russia and the Muslim World*. 2015. No. 11 (281). pp. 83—95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-kitaya-v-tsentralnoy-azii-tek-resursy-transport/viewer> (accessed: 01.12.2024).

National Bank of Kazakhstan. International Investment Position of Kazakhstan (2016—2022) // *National Bank of the Republic of Kazakhstan*. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/mezhdunar-odnaya-investitsionnaya-pozitsiya> (accessed: 01.12.2024).

Morgulis S. Complex Investor: What China Invests in Former USSR Countries // *Sonar-2050*. July 2020. URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/Доклады/Маргулис/kitayskiye%20investitsii.pdf> (accessed: 01.12.2024).

Seniuk N.Yu. Chinese Foreign Direct Investment in BRICS Countries through the Lens of Global Political Economy // *Actual Problems of Europe*. 2024. No. 1 (121). Pp. 263—288.

Sizov G. A. China’s Belt and Road Initiative in Central Asia: Successes, Challenges, and Prospects // *Problems of National Strategy*. 2021. No. 2 (65). Pp. 146—168. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_146.

Ministry of Commerce of the People's Republic of China. URL: <http://www.mofcom.gov.cn> (accessed: 05.11.2024).

Chauhan P. Energy Dimension of the Belt and Road Initiative: Implications for India's Energy Security // *Indian Journal of Asian Affairs*. 2019. Vol. 32. No. 1/2. Pp. 119—152. URL: <https://www.jstor.org/stable/26902688> (accessed: 05.11.2024).

China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker> (accessed: 05.11.2024).

Dadabaev T. The Chinese Economic Pivot in Central Asia and Its Implications for the Post-Karimov Re-emergence of Uzbekistan // *Asian Survey* — 2018. Vol. 58. No. 4. Pp. 747—769. DOI: 10.1525/as.2018.58.4.747.

Dave B. Silk Road Economic Belt: Effects of China's Soft Power Diplomacy in Kazakhstan. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program. 2018. URL: <https://eprints.soas.ac.uk/25966/1/dave-silk-road-economic-belt-effects-chinas-soft-power-diplomacy-kazakhstan.pdf> (accessed: 05.11.2024).

Ghossein T., Hoekman B., Shingal A. Public Procurement in the Belt and Road Initiative. World Bank: MTI Discussion Paper. 2018. No. 10. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31069> (accessed: 05.11.2024).

Jaborov S. Chinese Loans in Central Asia: Development Assistance or 'Predatory Lending'? China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed: 05.11.2024).

Jochev M., Kzyz J. China's BRI Investments, Risks, and Opportunities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed: 05.11.2024).

Kitade D. Central Asia Undergoing a Remarkable Transformation: Belt and Road Initiative and Intra Regional Cooperation // Mitsui & Co: Global Strategic Studies Institute Monthly Report. 2019. Pp. 1—7. URL: https://www.mitsui.com/mgssi/en/report/detail/_icsFiles/afieldfile/2019/08/27/1908e_kitade_e_1.pdf (accessed: 05.11.2024).

Lain S. The potential and pitfalls of connectivity along the Silk Road Economic Belt. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf, accessed 05.11.2024.

Laruelle M. Introduction. China's Belt and Road Initiative. Quo Vadis. China's Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia. Washington DC: The George Washington University. 2018. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf (accessed: 05.11.2024).

Pradhan R., Mohanty S. Chinese grand strategies in Central Asia: The role of Shanghai cooperation organization and belt and road initiative // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2021. Vol. 14. No. 2. Pp. 197—223. DOI: 10.1007/s40647-021-00318-6.

Trademap. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed: 05.11.2024).

Van der Kley D., Yau N. How Central Asians Pushed Chinese Firms to Localize. Carnegie Endowment for International Peace, October 2021. URL: https://carnegieendowment.org/files/VanderKley_Yau_China_Central_Asia_REVISED_v2.pdf (accessed: 05.11.2024).

Wang J., Kong D. (2019) Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 65—79. DOI: 10.1142/S2377740019500027.

World Development Indicators // World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 05.11.2024).

World Investment Report 2006 // United Nations Conference on Trade and Development. URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2006>, accessed 05.11.2024.

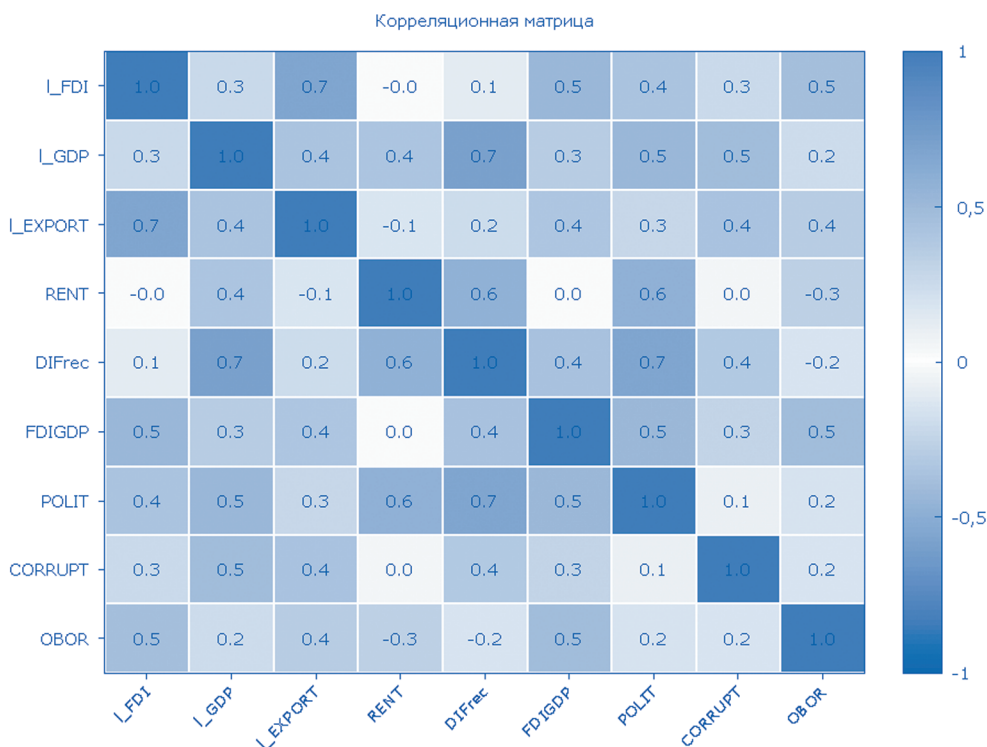
Yang Yu, He Ze, Liu Yi. Global Energy Cooperation Between China and Central Asia: Current Situation, Risks, and Countermeasures[J]. Bulletin of Chinese Academy of Sciences, 2018, 33(6): 575—584复制制到剪切板

Zaretskaya V., Aloulou F. As of 2021, China imports more liquefied natural gas than any other country // U.S. Energy Information Administration, May 2, 2022. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=52258> (accessed: 05.11.2024).

Wang L., Li C. Improving China-Central Asia Investment Legal Mechanisms under the Framework of Bilateral Investment Treaties // Journal of Xinjiang University (Philosophy, Humanities & Social Science). 2019. Vol. 47. No. 4. URL: http://old2022.bulletin.cas.cn/publish_article/2018/6/20180605.htm (accessed: 05.11.2024).

Приложения

Приложение 1. Корреляционная матрица переменных

Источник: составлено авторами

Приложение 2. Статистические тесты модели

Совместный тест на выбранных регрессорах —
Тестовая статистика: $F(8, 60) = 15,1663$
p-значение = $P(F(8, 60) > 15,1663) = 6,67863e-12$

Тест на различие констант в группах —
Нулевая гипотеза: Группы имеют общее пересечение
Тестовая статистика: $F(4, 60) = 4,14262$
p-значение = $P(F(4, 60) > 4,14262) = 0,00498087$

Тест Вальда на гетероскедастичность без распределения —
Нулевая гипотеза: наблюдения имеют общую дисперсию ошибки
Асимптотическая тестовая статистика: $\chi^2(5) = 7,5379$
p-значение = 0,183609

Тест на нормальное распределение ошибок —
Нулевая гипотеза: ошибки распределены по нормальному закону
Тестовая статистика: $\chi^2(2) = 3,19247$
p-значение = 0,202658

Тест Вулдриджа (Wooldridge) на автокорреляцию в панельных данных —
Нулевая гипотеза: Автокорреляция 1-го порядка отсутствует ($\rho = -0.5$)
Тестовая статистика: $F(1, 4) = 4,71779$
p-значение = $P(F(1, 4) > 4,71779) = 0,0955908$

Тест Песарана на зависимость поперечного сечения (Pesaran CD test) —
Нулевая гипотеза: Нет зависимости поперечного сечения
Асимптотическая тестовая статистика: $z = -1,74656$
p-значение = 0,0807132

Приложение 3. Импорт Китая по статье 26 ТН ВЭД (руды, шлак и зола) (млн долл.)

Экспортер	Экспорт	Доля
Мир	237 898,3	100,00 %
Австралия	89 243,0	37,51 %
Бразилия	29 738,6	12,50 %
Перу	21 850,4	9,18 %
Чили	20 854,5	8,77 %
ЮАР	11 488,7	4,83 %
Казахстан	4 063,3	1,71 %
Таджикистан	191,7	0,08 %
Кыргызстан	57,4	0,02 %

Источник: Trademap.

Приложение 4. Импорт Китая по статье 27 ТН ВЭД (энергетическое сырье) (млн долл.)

Экспортер	Величина	Доля
Мир	514 418,7	100,00 %
РФ	94 035,8	18,28 %
Саудовская Аравия	54 997,7	10,69 %
Малайзия	45 455,8	8,84 %
Ирак	35 427,9	6,89 %
ОАЭ	33 966,2	6,60 %
Туркменистан	9604,6	1,87 %
Казахстан	5718,1	1,11 %
Узбекистан	563,7	0,11 %
Кыргызстан	2,7	0,00 %

Источник: Trademap.

Приложение 5. Карта транзитных маршрутов «Западный Китай—Западная Европа»

Источник: Сизов Г.А. Китайская инициатива «Пояс и путь» в Центральной Азии: успехи, проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 146—168. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_146.

Приложение 6. Карта транспортного коридора «Китай—Центральная Азия—Иран—Турция—Европа»

Источник: Сизов Г.А. Китайская инициатива «Пояс и путь» в Центральной Азии: успехи, проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 146—168. DOI 10.52311/2079-3359_2021_2_146.

Приложение 7. Карта железнодорожного пути «Китай—Киргизия—Узбекистан»

Источник: Сизов Г.А. Китайская инициатива «Пояс и путь» в Центральной Азии: успехи, проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 146—168. DOI 10.52311/2079-3359_2021_2_146.

Й.Р. Шангараев, Н.И. Иллерицкий

Трансформация роли Казахстана на евразийском рынке газа

Аннотация. В рамках статьи анализируется актуальная ситуация в газовой энергетике Казахстана, а также рассматриваются ключевые ограничители развития казахстанской энергетики. Обладая значительными запасами газа, Казахстан использует большую его часть для обратной закачки в нефтяные пласты, а добыча контролируется иностранными консорциумами. Растущий внутренний спрос приводит к невыполнению экспортных обязательств и актуализирует вопрос энергетической безопасности. Казахстан сталкивается с нехваткой газа в стране и со стремительным ухудшением инфраструктуры. Авторы полагают, что для трансформации роли страны на газовом рынке необходимо увеличить импорт газа из России и сделать акцент на транзите ресурсов.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, Китай, ЕАЭС, энергетика, газ, транзит.

Авторы: Шангараев Йосиф Робертович, студент 4 курса факультета мировой экономики и политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: jsangaraev@gmail.com

Иллерицкий Никита Игоревич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0002-1944-861X. E-mail: ini@iccaras.ru

Joseph R. Shangaraev, Nikita I. Illeritsky

Transformation of Kazakhstan's Role in the Eurasian Gas Market

Abstract. The article analyzes the current situation in the gas energy sector of Kazakhstan, as well as the key constraints on the development of the country's energy sector. With significant gas reserves, Kazakhstan uses most of it for re-injection into oil reservoirs, and production is controlled by foreign consortia. The growing domestic demand leads to non-fulfillment of export obligations and raises the issue of energy security. Kazakhstan is facing a shortage of gas in the country and a rapid deterioration of infrastructure. The authors believe that in order to transform the country's role in the gas market, it is necessary to increase gas imports from Russia and focus on the transit of resources.

Keywords: Kazakhstan, Russia, China, EAEU, energy, gas, transit.

Author: Shangaraev, Joseph R., 4th year student at the Faculty of World Economics and Politics, National Research University Higher School of Economics. E-mail: jsangaraev@gmail.com

Illeritsky, Nikita I., Candidate of Sciences in Economics, Leading researcher at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-1944-861X. E-mail: ini@iccaras.ru

Экономика Казахстана является крупнейшей в Центральной Азии. Она характеризуется умеренным ростом ВВП, активным участием государства в экономической деятельности и важнейшей ролью экспорта энергоресурсов в доходах страны.

Казахстан занимает стратегическое положение в центре Азии, соединяя рынки Европы и Китая с запада на восток, а также России и Центральной Азии с севера на юг. Население республики составляет 20,3 млн человек, что при значительной площади страны (девятое место в мире) демонстрирует проблему неравномерности населения. Культурно-исторически территория Казахстана делится на 3 части — жуза: Малый, Средний и Большой. Эти исторические регионы имеют значительные различия в экономической сфере.

ВВП Казахстана в период с 2000 по 2024 г. вырос с 18,29 млрд долл. до 288,1 млрд долл. [World Bank, 2025]. Таким образом, показатель увеличился более чем в 15 раз. ВВП на душу населения за аналогичный период вырос с 18,2 млн долл. на душу населения до 285,9 млн долл. на душу населения. Казахстан является крупнейшей экономикой региона: ВВП страны составляет около 60 % совокупного ВВП Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии.

Внушительный рост экономики Казахстана обусловлен увеличением экспорта энергоресурсов, в первую очередь нефти, благодаря иностранным инвестициям в его добывающую промышленность. Страна является абсолютным лидером региона по привлечению прямых иностранных инвестиций, что подтверждается существенным превышением ВВП над ВНД на 13—14 % [АКРА, 2024]. Это различие объясняется тем, что валовый национальный доход (ВНД), в отличие от ВВП, не включает доходы нерезидентов, полученные ими на территории Казахстана.

Население страны увеличилось с 15,5 млн до 20,5 млн человек в период с 2000 по 2024 г. [World Bank, 2025]. Стабильный демографический рост на протяжении рассматриваемого периода повлиял на увеличение внутреннего потребления и рабочей силы, что положительно сказалось на общем росте казахстанской экономики.

Вместе с тем процесс роста экономики страны является нелинейным: наиболее быстрые темпы развития наблюдались в 2000-е гг. После достижения пика нефтяных доходов в 2013—2014 гг. произошел среднесрочный спад экономических показателей, вызванный мировым падением цен на нефть, который усилился в результате пандемии COVID-19.

Восстановление текущих значений, сопоставимых с показателями 2013—2014 гг., произошло благодаря росту потребительских расходов и инвестиций, а также экспортных доходов и розничной торговли. Так, ВВП Казахстана в период с 2021 по 2024 гг. вырос с 197,1 млрд долл. до 288,1 млрд долл.

Средний рост реального ВВП за аналогичный период составил 4,3 % в год, что отражает актуальную экономическую ситуацию в стране в виде умеренного роста экономики, который сталкивается с ключевыми вызовами в виде инфляции и напряженности в экспортной сфере. Показатель инфляции снизился с 15 % в 2022 г. до 8,8 % в 2024 г. [World Bank, 2025]. Правительство Казахстана

прогнозирует краткосрочное ускорение инфляции в 2025—2026 гг. с последующим смягчением в среднесрочной перспективе.

Структура экономики Казахстана включает в себя различные отрасли. Ключевую роль играют: промышленность (27 % ВВП), оптовая и розничная торговля (16,2 % ВВП), операции с недвижимым имуществом (8,7 % ВВП) [Qazstat, 2025, 10]. Обработывающая промышленность занимает 48,9 % в общем промышленном производстве страны, горнодобывающая — 44,3 %, снабжение электроэнергией и водоснабжение обеспечивают 5,9 % и 0,9 % ВВП соответственно [Qazstat, 2025, 16].

Энергетика Казахстана

Общее энергоснабжение Казахстана выросло с 1,28 ЭДж до 3,0 ЭДж в период с 2000 по 2024 г. Этот показатель демонстрирует сильную корреляцию с показателем ВВП страны (рис. 1). Наибольший рост энергоснабжения произошел в 2000—2014 гг. Спады производства, вызванные мировым экономическим кризисом (2008—2009 гг.), падением цен на нефть (2014 г.) и пандемией COVID-19, синхронно сказывались на обоих показателях. Такая динамика наглядно демонстрирует высокую зависимость экономики Казахстана от энергоресурсов. Вместе с тем темп роста ВВП за последние 5 лет значительно опережает прирост производства энергоресурсов в стране. Это отражает рост других отраслей и постепенную диверсификацию, а также сложности с наращиванием добычи углеводородов в стране.

Производство энергии на душу населения в стране снизилось с 152,5 ГДж до 145,7 ГДж в период с 2014 по 2024 г. [EI Statistical Review, 2025]. Это свидетельст-

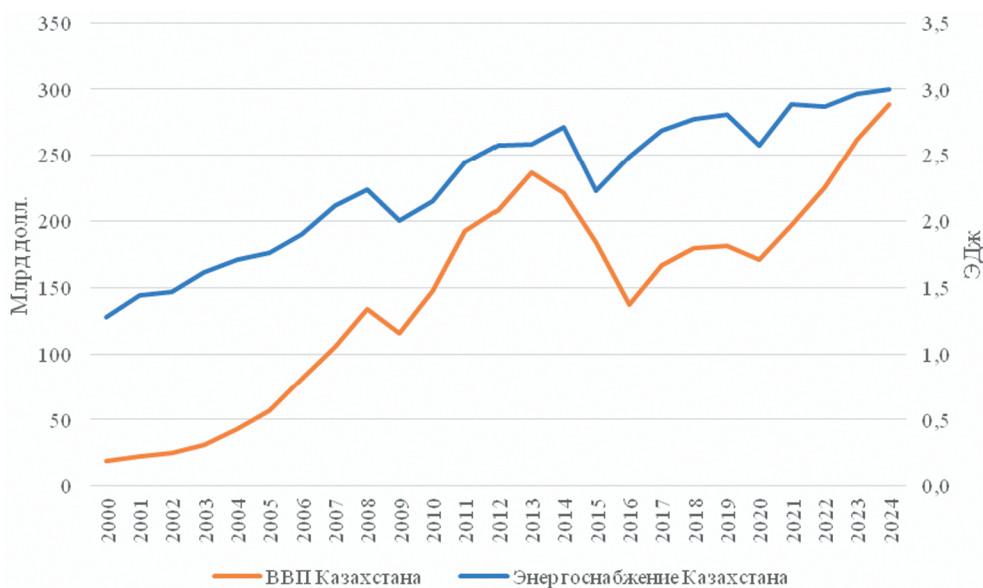

Рис. 1. ВВП и энергоснабжение Казахстана в 2000—2024 гг. Источник: EI Stats Review 2025.

вует о том, что рост населения опережает стагнирующий показатель производства энергии. Продолжение тенденции способно привести к дефициту энергии в стране.

Общее потребление энергии в Казахстане за 2024 г. составило 3,0 ЭДж. Страна является лидером Центральной Азии по этому показателю, значительно опережая Узбекистан (2,43 ЭДж), Туркменистан (1,34 ЭДж) и другие страны региона (0,66 ЭДж). В структуре энергопотребления страны преобладает уголь, на который приходится 50 % совокупного первичного энергопотребления Республики, далее следуют газ (25 %) и нефтепродукты (23 %) (рис. 2).

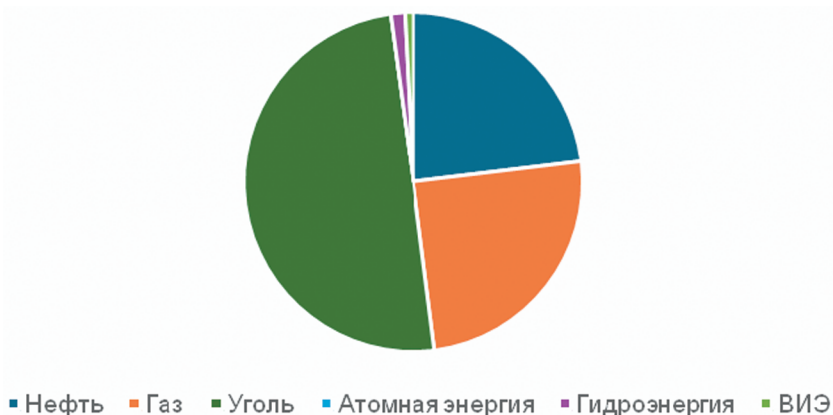

Рис. 2. Потребление энергии по видам топлива в Казахстане (2024 г.).

Источник: EI Stats Review 2025.

Жилищный сектор занимает первое место (13,9 млн т н.э.) в структуре конечного потребления энергии по секторам экономики, опережая сферы промышленности (11,4 млн т н.э.) и транспорта (10,1 млн т н.э.). Вместе с тем энергетика Казахстана демонстрирует стагнацию в показателе энергоемкости экономики. Так, энергоемкость ВВП не улучшается на протяжении 2020—2023 гг., зафиксировавшись на показателе в 0,32 т н.э./тыс. долл. США в ценах 2015 г. Это свидетельствует об отсутствии рычагов для увеличения энергоэффективности. Стоит отметить, что по сравнению с 2015 г. энергоемкость повысилась на 6,7 % — соответственно, стало необходимо больше энергии для производства тонны нефтяного эквивалента.

Электроэнергетическая система страны разделена на 3 зоны: северную, южную и западную. Последняя изолирована от остальной национальной системы. Такая система определялась наличием единого энергетического рынка СССР, где юг Казахстана входил в Объединенную энергетическую систему Центральной Азии и получал энергию из Узбекистана, а север — из Астрахани и Оренбурга.

После распада Советского Союза в 1991 г. и провала попытки сохранения единой региональной системы энергоснабжения в результате победы национальных интересов игроков над многосторонним сотрудничеством, Казахстан столк-

нулся с необходимостью объединения трех зон в единую энергетическую систему. Процесс балансирования рынка вызывает сложности в связи с нехваткой производственных и транспортных мощностей на объединение энергетических зон в условиях обширных пространств страны.

Правительство Казахстана работает над присоединением западной зоны к основной части энергосистемы страны. Для этого предполагается построить линию электропередачи длиной в 604,3 км между распределительной подстанцией «Карабатан» и подстанцией «Ульке» в рамках проекта «Объединение энергосистемы Западного Казахстана с ЕЭС Казахстана» [Проект Объединение энергосистемы...]. Однако реализация проекта еще не началась. Решение проблемы затягивается, диспропорции в национальной энергетике угрожают энергетической безопасности и негативно влияют на возможность балансирования энергии в стране.

Роль угля в энергетике Казахстана

Уголь остается главным, но теряющим позиции источником энергоресурсов — с 2019 по 2024 г. доля ресурса снизилась с 69,2 % до 50 %. При этом объемы добычи угля в стране в указанный период практически не изменились: в 2019 г. было добыто 115 млн т угля, а в 2023 г. — 116,4 млн т угля [EI Statistical Review, 2025]. Это позволяет сделать вывод об увеличении роли неугольных источников энергии в стране. Снижение доли угля в производстве связано, в первую очередь, с аварийным состоянием части энергетической инфраструктуры, построенной в СССР. Уровень износа некоторых ТЭЦ оценивается в 87—92 % [Холодно: казахстанские ТЭЦ серьезно изношены]. При этом 28 ТЭЦ страны (76 % от общего числа) эксплуатируются свыше 50 лет, оставшиеся 9 ТЭЦ имеют срок службы свыше 30 лет. Меры правительства Казахстана по модернизации угольной инфраструктуры носят реактивный характер: в 2023 г. было выделено 70 млрд тенге на ремонт наиболее изношенных ТЭЦ, однако проблема носит системный характер и требует не модернизации угольных станций, а перевода на газовое производство.

Уголь сохраняет решающую роль в энергетической структуре страны из-за слабости газотранспортной инфраструктуры. Так, северные районы Казахстана, на которые приходится 64,3 % энергопотребления страны, практически полностью зависят от угля, поскольку в регионе находятся основные угольные месторождения, что делает его использование дешевле и доступнее [Состояние и развитие энергетической сферы Казахстана]. Кроме того, регион не связан с основными газовыми магистралями страны. Вследствие этого правительство вынуждено инвестировать в строительство новых ТЭЦ на базе угольной генерации на севере страны. Так, в апреле 2024 г. было заключено соглашение с Россией на строительство трех новых угольных теплоэлектростанций в Кокшетау, Семее и Усть-Каменогорске [Соглашение между Правительством...].

Таким образом, в электроэнергетике Казахстана наблюдаются негативные тенденции: устаревание инфраструктуры, неравномерность развития энергетики

в регионах страны, нехватка ресурсов для модернизации системы энергоснабжения. Энергетическая инфраструктура, доставшаяся в наследство от советской системы энергоснабжения, приходит в негодность из-за отсутствия необходимых капитальных вложений.

Возобновляемые источники энергии

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ) имеют низкое значение в масштабах экономики страны. За период с 2000 по 2024 г. производство электроэнергии из возобновляемых источников и биотоплива выросло с 0,27 ЭДж до 0,64 ЭДж. Благодаря инвестициям в развитие отрасли, за период 2020—2024 гг. производство выросло на 62 %. Вместе с тем доля данного источника в общем энергобалансе страны не превышает 2 %.

Несмотря на небольшое значение в общей энергетике, правительство Казахстана следует общему тренду на увеличение инвестиций в ВИЭ. В рамках работы энергетического форума «Power Central Asia + China», состоявшегося в июне 2025 г., были подписаны соглашения с китайскими компаниями China Energy и CNCECI о строительстве солнечной электростанции в Туркестанской области и создании инфраструктурных объектов в сфере переработки газа [Power Central Asia + China: подписаны...].

В мае 2013 г. Республика Казахстан приняла Концепцию по переходу страны к «зеленой экономике» и утвердила масштабную цель — к 2050 г. поднять долю источников возобновляемой энергии в общем объеме энергобаланса до 50 %. Данная цель носит скорее декларативный характер, поскольку такой значительный рост требует полной перестройки энергетической системы страны.

Вместе с тем прогнозируется, что к этому периоду за счет строительства казахстанской АЭС произойдут важные изменения в энергетическом балансе страны. Казахстан занимает первое место в мире по производству урана с 2009 г. [Развитие атомной энергетики]. Между тем 6 октября 2024 г. состоялся референдум по вопросу строительства атомной электростанции. Большинство (71,1 %) жителей страны поддержали идею создания объекта. Позже правительство выбрало ГК «РОСАТОМ» в качестве подрядчика для реализации проекта.

Предполагаемая мощность станции составляет около 2,4 ГВт. Реализация проекта сможет снизить растущий дефицит электроэнергии в стране. Этот дефицит составляет 6 ГВт и растет за счет увеличения спроса на электроэнергию относительно производства [Износ станций и дефицит электроэнергии...].

Роль газа в энергетике Казахстана

Доля газа в структуре энергопотребления Казахстана увеличилась с 20 % до 25 % в период с 2020 по 2024 г. В 2024 г. объем добычи газа составил 59,2 млрд куб. м, рост относительно 2023 г. составил меньше 1 %. Большая часть добываемого газа Казахстана является попутным газом и используется для обратной закачки в нефтяные пласты. Товарная добыча составила 28,7 млрд куб. м. Отсутствие слож-

ных газохимических установок по переработке газа не позволяет Казахстану производить высококачественные промышленные газы для полупроводников и электроники. Вместе с тем интенсификация переработки является перспективным направлением для промышленности страны [Kazakhstan Energy Outlook, 2024, 34]. Ключевыми месторождениями газа являются: Карачаганак, Кашаган и Тенгиз — на них добывается больше 85 % всего казахстанского газа [Kazakhstan Energy Outlook, 2024, 33].

Таблица 1. Крупнейшие месторождения газа в Казахстане

Месторождение	Год открытия	Год ввода в разработку	Геологические запасы газа (с учетом ПНГ), млрд м ³	Извлекаемые запасы газа, млрд м ³
НГКМ Карачаганак	1979	1984 (ОПЭ)	1350	530
Северо-Каспийский проект (НГМ Кашаган)	2000	2016	1000	468
НМ Тенгиз	1979	1991	1800	227
ГКМ Имашевское (трансграничное с РФ)	1985	—	50 (доля РК)	—
НГКМ Жанажол	1978	1983	133	45
НМ Королевское	1982	2002	н.д.	16
НГКМ Чинаревское	1991	2004	49	2

Источник: Национальный энергетический доклад Kazenergy 2023.

Нарастивание объема добычи газа сопряжено с инфраструктурными сложностями, поскольку внутренних возможностей по обработке газа недостаточно. Из пяти крупнейших газоперерабатывающих объектов Казахстана только два оснащены современными технологиями обработки — это УКПГ на Тенгизе и УКПНиГ Болашак, средняя загруженность которых составляет 92 % [Обзор газовой отрасли РК, 2024].

Министерство энергетики Республики планирует построить четыре новых завода в период с 2026 по 2028 г. [К заседанию Правительства Республики Казахстан от 23 апреля 2025 г.]. Суммарная потенциальная мощность этих объектов прогнозируется в 8,4 млрд куб. м, что недостаточно для полного обеспечения переработки газа. На конец 2024 г. 37,6 % населения страны не имели доступа к газу. Согласно плану Генеральной газификации Казахстана на 2023—2030 гг. от 29 сентября 2023 г., ставится задача увеличить охват газоснабжения населения до 65 % к 2030 г. [Об утверждении Генеральной схемы...]. Достижение цели предполагает увеличение выработки товарного газа до 42,1 млрд куб. м к 2030 г.

В Казахстане действует монополия форма рынка газа, где ключевую роль играет национальная компания «QazaqGaz». Компания обладает исключительным правом на реализацию ресурса на внутреннем и внешних рынках. Под ее контролем находится около 76 800 км трубопроводов с пропускной способностью 260 млрд куб. м газа в год. Цену на газ напрямую определяет государство.

Таблица 2. Баланс газа Республики Казахстан в 2021—2024 гг., млрд куб. м

Показатели	2021	2022	2023	2024	Удельный вес, в среднем
(+) Импорт	2,3	1,3	0,9	4,4	
(+) Чистое производство, включая:	25,0	23,0	25,0	22,8	
(+) Добыча	53,8	53,2	60,0	58,9	
(-) Обратная закачка	17,3	18,7	22,2	23,3	35 %
(-) Переработка	11,5	11,5	12,8	12,8	21 %
(-) Общая реализация, включая:	27,3	24,4	25,0	27,2	
(-) Реализация на внутреннем рынке	18,6	19,4	19,4	21,2	33 %
(-) Экспортные продажи	8,7	5,0	5,6	6,0	11 %

Источник: ENERGY Insight & Analytics, Министерство энергетики РК / САЦ ТЭК РК.

Казахстанский рынок газа характеризуется значительным участием крупных иностранных компаний, которые играют ключевую роль в добыче природного газа. Контроль над ключевыми месторождениями страны находится в руках консорциумов западных компаний. Максимальная доля государственной компании KazMunayGas не превышает 20 %.

Таблица 3. Доля компаний в крупнейших месторождениях газа Казахстана

Тенгиз	Chevron — 50 %
	ExxonMobil — 25 %
	KazMunayGas — 20 %
	Lukoil — 5 %
Карачаганак	Shell — 29,25 %
	Eni — 29,25 %
	Chevron — 18 %
	Lukoil — 13,5 %
	KazMunayGas — 10 %
Кашаган	KazMunayGas — 16,88 %
	Shell — 16,81 %
	Eni — 16,81 %
	ExxonMobil — 16,81 %
	TotalEnergies — 16,81 %
	CNPC — 8,33 %
	Inpex — 7,56 %

Источник: составлено на основе данных с сайтов компаний, указанных в таблице.

Доминирование иностранных компаний на рынке угрожает энергетической безопасности Казахстана, поскольку интересы государства и западных энергетических корпораций различаются. Астана заинтересована в привлечении инвестиций для улучшения общей энергетической ситуации в стране, тогда как нефтегазовые компании концентрируются на извлечении прибыли. Проекты, направленные на развитие общегосударственной инфраструктуры, не всегда предполагают высокую прибыль.

Конфликт интересов отразился на ситуации вокруг проекта по переработке газа на Карачаганакском месторождении. Власти Казахстана потребовали от компаний Eni и Shell передать госкомпании права на управление проектом по переработке газа [Eni and Shell told...]. Позиция иностранных инвесторов заключалась в том, что согласованные цены на реализацию проекта делали его нерентабельным.

Влияние Китая на казахстанский рынок газа наращается через стратегию «Пояс и путь». Ее ключевым инфраструктурным объектом стал газопровод «Центральная Азия — Китай». Благодаря проекту КНР получила устойчивый выход к региональным газовым месторождениям, а Казахстан — необходимые для реализации проекта инвестиции и дополнительный доход от транзита газа.

Китайские компании активно наращивают присутствие на газовом рынке Казахстана в рамках реализации инициативы «Пояс и путь». Ключевой интерес китайской стороны на газовом рынке Казахстана — обеспечение импорта «голубого топлива» в рамках двустороннего контракта. Это подтверждается последними инвестициями китайских компаний в разведку газовых месторождений Казахстана [Китай взял на себя все расходы...]. Китай заинтересован в стабильных поставках газа из Центральной Азии. Это позволит ему балансировать внутренний рынок газа и поддерживать конкурентную цену в переговорах с другими экспортерами газа.

Таким образом, стратегическое географическое положение Казахстана не только создает потенциал для транзитной роли страны, но и создает риски давления со стороны глобальных игроков. Казахстану необходимо сбалансировать поток инвестиций и снизить уровень зависимости от иностранных компаний для решения энергетических проблем.

Этот вопрос вызывает острые дебаты в политической сфере Республики Казахстан. Позиция государственных чиновников, в первую очередь Министерства энергетики, отражается в попытке выстраивания многовекторной политики для максимального привлечения инвестиций со стороны ключевых внешних игроков. В оппозиции этой платформе находятся сторонники увеличения доли национального дохода Республики относительно доходов западных компаний. Позиция этого крыла Мажилиса заключается в необходимости пересмотра главных контрактов с мейджорами, заключенных на невыгодных для государства условиях в 1990-е гг. [Должны сесть за стол переговоров...].

Реформаторское крыло в энергетике Казахстана придерживается позиции необходимости полной перестройки механизмов ценообразования. Сторонники этого подхода выступают против монопольной роли QazaqGaz на рынке и предлагают делать акцент на развитии ВИЭ [Обзор газовой отрасли РК, 2024].

Альтернативные платформы влияют на государственную позицию, что приводит к отсутствию четкой единой стратегической линии у правительства Казахстана. На декларативном уровне политическая элита пытается достичь всех целей одновременно: и газифицировать страну, и увеличить доходы бюджета, и нарастить экспорт. Для создания эффективной системы государству необходимо четко выстроить приоритеты развития и отказаться от взаимоисключающих проектов.

Экспорт газа

Казахстан экспортирует газ в Россию и Китай. Поставки северному соседу определяются общим советским инфраструктурным наследием, российско-казахстанская торговля газом носит обоюдный характер. Казахстан закупает российский газ для снабжения северных районов, Россия покупает казахстанский газ для газоперерабатывающего завода в Оренбурге с целью реэкспорта.

Экспорт в Китай регламентируется соглашением между «КазТрансГазом» и PetroChina, подписанным в октябре 2018 г. в Пекине. Согласно нему казахстанская сторона должна поставлять 10 млрд куб. м газа ежегодно. Однако этот контракт не выполняется: экспорт в Китай в 2023 г. составил 5,4 млрд куб. м. Невыполнение контракта связано с нехваткой газа для внутреннего потребления. В начале 2022 г. глава Министерства энергетики Республики Казахстан Б. Акчулов дал прогноз, что к 2025 г. Казахстан начнет испытывать дефицит газа [Казахстан не будет экспортировать газ зимой...]. Зимой 2022—2023 гг. поставки казахстанского газа в КНР были приостановлены из-за роста внутреннего потребления [Сюань, Жуман, Хамзаева, 2024, с. 495]. По итогам 2023 г. потребление газа превысило 10,9 тыс. кВт/ч на человека. Это почти на 70 % больше, чем в 2013 г. [Our World in Data, 2024]. Для наращивания экспортных и транзитных доходов Казахстану необходимо заключить новые контракты, поскольку рост добычи сопряжен с инфраструктурными ограничениями и временными издержками.

В этом контексте проект российско-китайской сделки по газу с транзитом через Казахстан вызывает наибольший интерес. После резкого снижения российского газового экспорта в Европу в 2022 г. началось рассмотрение проектов увеличения продажи «голубого топлива» в Китай. Благодаря наращиванию экспорта в Китай удалось компенсировать часть выпавших газовых доходов, однако дальнейший рост поставок ограничен пропускной способностью газопровода «Сила Сибири» в 38 млрд. куб. м. Увеличение экспорта связывается с двумя возможными маршрутами: через Монголию и Казахстан.

Казахстан является наиболее заинтересованной стороной в выборе второго маршрута. Это подтверждается активностью правительства Республики в продвижении идеи. Глава Минэнерго Е. Аккенженов заявил: «Для наших российских коллег, и для нас в целом транзит через Республику Казахстан наиболее выгодный» [Транзит российского газа...]. Заинтересованность казахской стороны в реализации проекта вызвана возможностью получения 10 млрд. куб. м дополнительного газа со стороны России, а также газификации севера страны. Вместе с тем посол КНР в России Чжан Ханьхуэй называет проект невыгодным для Китая

[Китай счел дорогим...]. Важно учитывать, что Китай заинтересован в поставках из России для балансирования цен на газ, а также для увеличения стабильности поставок газа в условиях увеличения потребления ресурса на внутреннем рынке. Мьянма, Казахстан и Узбекистан — экспортеры газа в Китай, которые испытывают нехватку ресурса для внутреннего рынка [Еникеев, 2024]. Это вызывает необходимость диверсификации и расширения поставок для увеличения энергетической безопасности КНР.

Окончательное решение по проекту увеличения экспорта газа из России в Китай не принято, обмен заявлениями между представителями отрасли является частью политического торга. Казахстану необходимо использовать свой транзитный потенциал, в том числе с помощью роста прокачки газа в Узбекистан.

Поставки российского газа в Узбекистан через территорию Казахстана начались в 2023 г. В течение 2023—2024 гг. они выросли с 1,28 млрд куб. м до 5,6 млрд куб. м. Эти поставки планируется довести до 11 млрд куб. м к 2038 г. Постепенный рост прокачки российского газа в Узбекистан связан с необходимостью модернизации газовой инфраструктуры на севере Узбекистана. Таким образом Казахстан становится посредником в долгосрочных взаимоотношениях России и Узбекистана, что укрепляет энергетическую безопасность страны и повышает ее роль в евразийской торговле.

Казахстан играет ключевую роль в транзите туркменского газа в Китай. Прокачка осуществляется по ключевому газопроводу региона «Центральная Азия—Китай», построенному в 2009 г. Общая пропускная способность трех параллельных ниток газопровода составляет 55 млрд куб. м в год. В 2024 г. объем транзита туркменского газа в Китай составил 36,2 млрд куб. м. Этот показатель соответствует плану на 2025 г. Вместе с тем проект четвертой нитки туркменского экспорта в Китай предполагает постройку нового газопровода по маршруту Туркменистан—Узбекистан—Таджикистан—Кыргызстан—Китай, что противоречит интересам Казахстана по увеличению своей транзитной роли. Россия также не заинтересована в реализации подобного сценария, поскольку это увеличит конкуренцию для российского трубопроводного газа в Китае [Еникеев, 2024, с. 19].

Перспективы Казахстана на газовом рынке Евразии

Ключевые проблемы современного газового рынка Казахстана уходят корнями в распад единой энергетической инфраструктуры СССР. Унаследованная инфраструктура, не рассчитанная на автономное функционирование в рамках национальных границ, столкнулась с хроническим недофинансированием и деградацией, в то время как собственные технологии для ее модернизации и развития газопотребления не были созданы. Привлечение иностранных инвестиций помогло значительно увеличить добычу газа в стране, но не решило общих инфраструктурных проблем Казахстана.

Казахстан сталкивается с растущей дилеммой: газификация страны увеличивает спрос на газ, и вместе с ним импорт ресурса. Это ограничивает его экспортный потенциал, что подтверждается невыполнением контракта с Китаем и ак-

туализирует вопрос о поиске баланса между импортом, экспортом и транзитом. Стратегическое расположение Казахстана, наличие обширных границ с ключевыми региональными акторами предполагают смещение фокуса с роли экспортера на роль ключевого газового «хаба» Центральной Азии.

Дальнейшая реализация программы газификации страны и строительство новых газоперерабатывающих заводов в среднесрочной перспективе могут привести к увеличению спроса на газ из России. Этому также может способствовать сотрудничество стран по энергетической линии ЕАЭС: с 2027 г. должен заработать единый электроэнергетический рынок Союза.

Казахстан имеет значительные перспективы расширения своей транзитной роли, однако этот вопрос зависит от взаимоотношений внешних игроков, в частности переговоров между Россией, Китаем и Туркменистаном по новым газопроводам. Трансформация роли Казахстана на газовом рынке Центральной Азии также требует новых инвестиций в магистральные газопроводы и внутреннюю сеть поставок, в частности для газификации севера страны. При этом Казахстану важно находить баланс между Россией, Китаем и западными странами в энергетической сфере, не допуская зависимости от одного инвестора, как в случае с Туркменистаном.

Доминирование западных мейджоров сфере добычи газа и растущая зависимость от китайских инфраструктурных инвестиций являются серьезной угрозой для энергобезопасности страны. Интересы западных инвесторов носят экспортно-сырьевой характер, китайские инвесторы концентрируются на транзите и экспорте в Китай. Для внешних игроков вложения в дорогостоящую внутреннюю газификацию и модернизацию сетей не являются профильным направлением. Это создает системный барьер для ее развития силами внешних игроков.

Казахстану необходимо сбалансировать инвестиционные потоки и инфраструктурные проекты с привлечением России. В сложившихся условиях увеличение газового импорта из РФ является необходимостью для предотвращения дефицита газа в стране. Возврат к интегративной модели энергетического рынка по модели СССР является перспективной возможностью для решения инфраструктурных проблем в Казахстане и дальнейшей трансформации его роли на общем рынке Евразии. Однако реализации данного сценария препятствуют интересы тех же западных и китайских компаний, нацеленных на вывоз газа. Кроме того, внутривнутриполитическая борьба в Казахстане и попытки найти баланс между всеми крупными игроками также тормозят интеграционный проект, в результате чего, например, запуск единого электроэнергетического рынка ЕАЭС был отложен до 2027 г.

Таким образом, Казахстан находится перед стратегическим выбором. Первый путь — форсированная энергетическая интеграция с Россией, позволяющая решить инфраструктурные проблемы и превратиться в ключевой евразийский хаб. Второй — сохранение текущей политики, которая в условиях конфликта интересов внешних игроков неизбежно приведет к дальнейшей деградации советской инфраструктуры, консервации экспортно-сырьевой модели и росту зависимости от конъюнктуры внешних рынков.

Библиографический список

- ВНД Казахстана рекордно уступает ВВП страны / АКРА. 2024. С. 1—4.
- Должны сесть за стол переговоров — депутат о пересмотре СПП-контрактов в Казахстане // Ulysmidia.kz. URL: <https://ulysmidia.kz/news/46929-dolzheny-sest-za-stol-peregovorov-deputat-o-peresmotre-srp-kontraktov-v-kazakhstane/> (дата обращения: 10.07.2025).
- Еникеев Ш.М. Динамика энергетической политики России и Китая в Центральной Азии // Евразийские исследования. 2024. № 2(2). С. 19. DOI: 10.48647/ISSA.2024.68.24.003.
- Износ станций и дефицит электроэнергии: что планирует предпринять Министерство энергетики РК // Министерство энергетики Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/686608?lang=ru> (дата обращения: 08.07.2025).
- Казахстан не будет экспортировать газ зимой 2023—2024 г. из-за роста потребления // Neftegaz.RU. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/771599-kazakhstan-ne-budet-eksportirovat-gaz-zimoy-2023-2024-gg-iz-za-rosta-potrebleniya/> (дата обращения: 04.07.2025).
- Китай взял на себя все расходы по поиску газа в Актыбинской области // Курсив. URL: <https://kz.kursiv.media/2025-06-16/zhzh-kitai-profinansiruet-razvedku-gaza-v-kz/> (дата обращения: 09.07.2025).
- Китай счел дорогим маршрут поставок газа из России через Казахстан // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/04/2025/67fe4ffc9a7947bea2faf6c0> (дата обращения: 07.07.2025).
- Материалы к заседанию Правительства Республики Казахстан от 23 апреля 2025 г. // Министерство энергетики Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/assets/media/zp-ot-23-aprelya-2025-g.pdf> (дата обращения: 09.07.2025).
- Об утверждении Генеральной схемы газификации Республики Казахстан на 2023—2030 годы // Адилет. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G23JVM00350#z13> (дата обращения: 08.07.2025).
- Проект Объединение энергосистемы Западного Казахстана с ЕЭС Казахстана // КЕГОС. URL: <https://www.kegos.kz/ru/about/investicionnye-proekty/155662/?ysclid=mcw9laf29810293352> (дата обращения: 05.07.2025).
- Развитие атомной энергетики // Министерство энергетики Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/214?lang=ru> (дата обращения: 07.07.2025).
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области электроэнергетики // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62489/ (дата обращения: 06.07.2025).
- Состояние и развитие энергетической сферы Казахстана // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/116026/> (дата обращения: 06.07.2025).
- Социально-экономическое развитие Республики / Qazstat. 2025. № 5. С. 10.
- Сюань Ч., Жуман Ж., Хамзаева А.В. Состояние и перспективы транспортировки газа из Казахстана в Китай // Казахский национальный университет. 2024. № 3. С. 495.
- Транзит российского газа через Казахстан в Китай наиболее выгодный // КТ.KZ. URL: https://www.kt.kz/rus/ekonomika/tranzit_rossiyskogo_gaza_cherez_kazahstan_v_kitay_naibolee_1377977079.html (дата обращения: 06.07.2025).
- Холодно: казахстанские ТЭЦ серьезно изношены // LSM.kz. URL: <https://lsm.kz/holodno-kazahstanskije-tec-ser-ezno-iznosheny> (дата обращения: 05.07.2025).
- Eni and Shell told to hand control of key gas processing project to Kazakh state player // Upstream. URL: <http://www.upstreamonline.com/exclusive/eni-and-shell-told-to-hand-control-of-key-gas-processing-project-to-kazakh-state-player/2-1-1839008> (дата обращения: 09.07.2025).
- Gas consumption per capita // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/per-capita-gas> (дата обращения: 10.07.2025).

GDP (current US\$) — Kazakhstan // The World Bank. URL: <https://data.worldBank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KZ> (дата обращения: 04.07.2025).

Inflation, consumer prices (annual %) — Kazakhstan // The World Bank. URL: <https://data.worldBank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=KZ> (дата обращения: 04.07.2025).

Kazakhstan Energy Outlook 2024 / ENERGY Insights & Analytics. 2024. URL: https://exia.kz/wp-content/uploads/2024/02/241204_Kazakhstan_Energy_Outlook_2024_RU-1.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

Population, total — Kazakhstan // The World Bank. URL: <https://data.worldBank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=KZ> (дата обращения: 04.07.2025).

Power Central Asia + China: подписаны ключевые энергетические соглашения встречу // Министерство энергетики Республики Казахстан. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/1017950?lang=ru> (дата обращения: 09.07.2025).

References

Dolzhyi sest' za stol peregovorov — deputat o peresmotre SRP-kontraktov v Kazakhstane ["We must sit down at the negotiating table" — deputy on the revision of PSA contracts in Kazakhstan]. Ulysmidia.kz. URL: <https://ulysmidia.kz/news/46929-dolzhyi-sest-za-stol-peregovorov-deputat-o-peresmotre-srp-kontraktov-v-kazakhstane/> (accessed: 10 July 2025). (In Russian).

Eni and Shell told to hand control of key gas processing project to Kazakh state player. Upstream. URL: <http://www.upstreamonline.com/exclusive/eni-and-shell-told-to-hand-control-of-key-gas-processing-project-to-kazakh-state-player/2-1-1839008> (accessed: 09 July 2025).

Enikeev, Sh. M. (2024). Dinamika energeticheskoy politiki Rossii i Kitaya v Tsentral'noy Azii [Dynamics of the energy policy of Russia and China in Central Asia]. Evraziyskie issledovaniya [Eurasian Studies], no. 2(2), p. 19. DOI: 10.48647/ICCA.2024.68.24.003. (In Russian).

Gas consumption per capita. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/per-capita-gas> (accessed: 10 July 2025).

GDP (current US\$) — Kazakhstan. The World Bank. URL: <https://data.worldBank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KZ> (accessed: 04 July 2025).

Inflation, consumer prices (annual %) — Kazakhstan. The World Bank. URL: <https://data.worldBank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=KZ> (accessed: 04 July 2025).

Iznos stantsiy I deficit elektroenerгии: chto planiruet predprinyat' Ministerstvo energetiki RK [Depreciation of stations and electricity deficit: what the Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan plans to do]. Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/686608?lang=ru> (accessed: 08 July 2025). (In Russian).

Kazakhstan Energy Outlook 2024. ENERGY Insights & Analytics, 2024. URL: https://exia.kz/wp-content/uploads/2024/02/241204_Kazakhstan_Energy_Outlook_2024_RU-1.pdf (accessed: 10 July 2025).

Kazakhstan ne budet eksportirovat' gaz zimoy 2023—2024 gg. iz-za rosta potrebleniya [Kazakhstan will not export gas in the winter of 2023—2024 due to increased consumption]. Neftegaz.RU. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/771599-kazakhstan-ne-budet-eksportirovat-gaz-zimoy-2023-2024-gg-iz-za-rosta-potrebleniya/> (accessed: 04 July 2025). (In Russian).

Kholodno: kazakhstanskije TETS ser'ezno iznosheny [It's cold: Kazakhstan's CHPs are seriously worn out]. LSM.kz. URL: <https://lsm.kz/holodno-kazahstanskije-tec-ser-ezno-iznosheny> (accessed: 05 July 2025). (In Russian).

Kitay vzyal na sebya vse raskhody po poisku gaza v Aktyubinskoj oblasti [China has taken on all costs for gas exploration in the Aktobe region]. Kursiv. URL: <https://kz.kursiv.media/2025-06-16/zghz-kitai-profinansiruet-razvedku-gaza-v-kz/> (accessed: 09 July 2025). (In Russian).

Kitay schel dorogim marshrut postavok gaza iz Rossii cherez Kazakhstan [China considered the gas supply route from Russia through Kazakhstan to be expensive]. RBC. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/04/2025/67fe4ffc9a7947bea2faf6c0> (accessed: 07 July 2025). (In Russian).

Materialy k zasedaniyu Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 23 aprelya 2025 g. [Materials for the meeting of the Government of the Republic of Kazakhstan on April 23, 2025]. Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://primeminister.kz/assets/media/zp-ot-23-aprelya-2025-g.pdf> (accessed: 09 July 2025). (In Russian).

Ob utverzhdenii General'noy skhemy gazifikatsii Respubliki Kazakhstan na 2023—2030 gody [On the approval of the General Gasification Scheme of the Republic of Kazakhstan for 2023—2030]. Adilet. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G23JVM00350#z13> (accessed 08 July 2025). (In Russian).

Population, total — Kazakhstan. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=KZ> (accessed: 04 July 2025).

Power Central Asia + China: podpisany klyucheveye energeticheskie soglasheniya [Power Central Asia + China: key energy agreements signed]. Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/1017950?lang=ru> (accessed: 09 July 2025). (In Russian).

Proekt Ob"edinenie energosistemy Zapadnogo Kazakhstana s EES Kazakhstana [Project for the Unification of the energy system of Western Kazakhstan with the UES of Kazakhstan]. KEGOC. URL: <https://www.kegoc.kz/ru/about/investicionnye-proekty/155662/?ysclid=mcw9laf29810293352> (accessed: 05 July 2025). (In Russian).

Razvitie atomnoy energetiki [Development of nuclear energy]. Ministry of Energy of the Republic of Kazakhstan. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/activities/214?lang=ru> (accessed: 07 July 2025). (In Russian).

Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvom Respubliki Kazakhstan o sotrudnichestve v oblasti elektroenergetiki [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Kazakhstan on cooperation in the field of electric power]. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62489/ (accessed: 06 July 2025). (In Russian).

Sostoyanie i razvitie energeticheskoy sfery Kazakhstana [State and development of the energy sector of Kazakhstan]. CIS Internet Portal. URL: <https://e-cis.info/news/566/116026/> (accessed: 06 July 2025). (In Russian).

Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Respubliki [Socio-economic development of the Republic]. Qazstat, 2025, no. 5, p. 10. (In Russian).

Statistical Review of World Energy 2025. Energy Institute, 2025.

Syuan', Ch., Zhuman, Zh., & Khamzaeva, A.V. (2024). Sostoyanie i perspektivy transportirovki gaza iz Kazakhstana v Kitay [The state and prospects of gas transportation from Kazakhstan to China]. *Kazakhskiy natsional'nyy universitet [Kazakh National University]*, no. 3, p. 495. (In Russian).

Tranzit rossiyskogo gaza cherez Kazakhstan v Kitay naibolee vygodnyy [Transit of Russian gas through Kazakhstan to China is the most profitable]. KT.KZ. URL: https://www.kt.kz/rus/ekonomika/tranzit_rossiyskogo_gaza_cherez_kazahstan_v_kitay_naibolee_1377977079.html (accessed: 06 July 2025). (In Russian).

VND Kazakhstana rekordno ustupaet VVP strany [Kazakhstan's GNI is record-breakingly lower than its GDP]. AKPA, 2024, pp. 1—4. (In Russian).

Поступила в редакцию: 21.08.2025

Принята к публикации: 04.09.2025

Received: 21 August 2025

Accepted: 04 September 2025

Е.А. Козлова

Второй экспертный форум «Центральная Азия—Россия: повестка совместного развития»

Автор: Козлова Екатерина Андреевна, младший научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0009-0009-1312-5594. E-mail: kozlova@iccaras.ru

11 октября 2025 г. в Душанбе (Таджикистан) состоялся Второй экспертный форум «Центральная Азия—Россия». Мероприятие было приурочено ко Второму саммиту глав государств «Центральная Азия—Россия», который прошел 9 октября 2025 г. под председательством Республики Таджикистан. Форум собрал руководителей и представителей научно-аналитических институтов, экспертов, исследователей, дипломатов, а также сотрудников профильных министерств и ведомств из стран Центральной Азии и России.

ИКСА РАН выступил одним из организаторов экспертного форума, а его делегацию представили: доктор филологических наук, директор ИКСА РАН К.В. Бабаев, кандидат политических наук, руководитель Центра центральноазиатских исследований (ЦЦАИ) ИКСА РАН Д.П. Новиков, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ЦЦАИ ИКСА РАН Н.И. Иллерицкий, кандидат политических наук, научный сотрудник ЦЦАИ ИКСА РАН А.А. Перминова.

Повестка форума была посвящена широкому спектру актуальных вопросов регионального сотрудничества. В атмосфере доверия и взаимопонимания ведущие эксперты шести стран обсудили ключевые направления торгово-экономического, инвестиционного и культурно-гуманитарного взаимодействия. Особое внимание было уделено совместным мерам по обеспечению региональной стабильности и безопасности.

Участники подчеркнули необходимость поддержания и укрепления диалога между ведущими экспертными центрами России и стран Центральной Азии для формирования более эффективного стратегического партнерства. Была отмечена важность устойчивых связей между учеными и аналитиками, углубление которых способствует повышению уровня взаимного доверия и формированию общих идей.

В ходе дискуссий особое внимание уделялось расширению торгово-экономических связей. Участники подчеркнули важность активизации сотрудничества в таких перспективных областях, как «зеленая» экономика, цифровизация, высокие технологии и реализация совместных инфраструктурных проектов.

Отдельная сессия была посвящена культурно-гуманитарному сотрудничеству. Эксперты отметили, что развитие человеческого капитала и обеспечение общественной безопасности остаются приоритетными задачами для всех государств-участников. В связи с этим была подчеркнута необходимость активизации взаимодействия в сферах здравоохранения, культуры, науки, образования, туризма, а также в области молодежных связей и спорта.

Ключевым итогом форума стало решение о создании постоянно действующего формата «Экспертный диалог Центральная Азия—Россия». Эта площадка будет служить для организации последующих экспертных форумов, приуроченных к саммитам «Центральная Азия—Россия», а также для проведения совместных тематических мероприятий в межсаммитовый период.

Участники приветствовали итоговое Коммюнике второго саммита, отметив его всеобъемлющий характер, охватывающий широкий круг вопросов долгосрочного стратегического партнерства на основе глубоких исторических связей и традиций.

В завершение форума участники выразили благодарность организаторам — Центру стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан и Национальной академии наук Таджикистана — за высокий уровень проведения мероприятия.

Поступила в редакцию: 13.10.2025
Принята к публикации: 14.10.2025

Received: 13 October 2025
Accepted: 14 October 2025